

МАЛАЯ ТЕАТР

Орган парткома, месткома и дирекции Государственного ордена Ленина Академического Малого театра

№ 15 (97)

18 апреля 1939 года

Цена 30 коп.

№ 15 (97)

100 лет

1839

непрерывной работы в Малом театре
выдающейся артистической семьи

1939

Садовских

Пров Михайлович
Садовский-старший.

Михаил Провыч
Садовский.

Ольга Осиповна
Садовская.

Елизавета Михайловна
Садовская.

Пров Михайлович
Садовский-младший.

Неисчислимы таланты и дарования, рождаемые нашим народом

Велика и необъятна наша родина. На ее безграничных просторах кипит небывалая жизнь, идет невиданная работа. Миллионы людей изо дня в день свершают свой радостный труд на заводах и на пашнях, в лесах и под землей, на реках и на воздушных трассах. Они строят дворцы и взрывают скалы, они добывают золото и сталь, они выращивают плоды и пшеницу...

Эти люди радостны, потому что они сооружают величественное здание новых человеческих отношений! Эти люди счастливы, потому что они строят коммунизм!

Миллионы тружеников, честно работающих для своего счастья и для процветания всего человечества, миллионы этих трудящихся людей — это и есть народ нашей социалистической родины, великий народ нашей свободной страны!

Величие народа сказывается в его делах и в его устремлениях, в его мечтах и в его поступках. Наш народ велик, потому что он совершил грандиозные исторические дела, в которых воплотились его лучшие мечты и сокровенные чаяния всех угнетенных мира. Наш народ велик, потому что, освободив себя от оков капитализма, он открыл путь к освобождению всего человечества. Наш народ велик также и потому, что, построив социалистическое общество в нашей стране, он открыл всему миру величественные и грандиозные перспективы коммунизма.

Народ наш многонационален. Но вместе с тем он един. Залог этого единства — в братском союзе составляющих его наций. Этот братский союз скреплен кровью, совместно пролитой народами нашей страны в вооруженной борьбе за победу социализма над силами старого мира. Этот союз нерушим так как он скреплен десятилетиями совместного труда на благо социализма всех национальностей, населяющих наше советское государство.

В великом союзе народов, составляющих Союз Советских Социалистических Республик, почетное место по праву принадлежит русскому народу, замечательная историческая заслуга которого заключается в том, что, свергнув твердыню царизма, он первый поднял знамя борьбы против власти эксплуататоров и водрузил это знамя на развалинах капиталистического строя.

Все мы, советские русские люди, испытываем волнующее и радостное чувство национальной гордости, сознавая этот великий исторический факт. Гениальный вождь пролетарской революции Владимир Ильич Ленин еще в самом начале мировой войны, в 1914 году, поднял свой голос в защиту подлинной, настоящей, а не фальшивой национальной гордости.

И теперь, через четверть века, после того, как великий Ленин сказал об этом свои проникновенные слова, наше чувство национальной гордости растет еще больше от сознания того, что сейчас русский народ, вместе со всеми братскими народами великого отечества социализма, строит коммунизм в своей стране и возглавляет борьбу за освобождение угнетенных во всем мире.

Это чувство национальной гордости растет и от сознания того, что таланты и дарования, рождаемые нашим народом, неисчислимы.

Великая Октябрьская социалистическая революция, освободив народные таланты от тяжелых пут прошлого, сняв вековые преграды с их пути, вызвала к жизни новые виды творческой взаимопомощи, новые формы творческого содружества людей.

Во всех областях нашей жизни множатся примеры замечательной солидарности дедов и внуков, отцов и детей, братьев и сестер, дружно сливающих свои силы в социалистическом труде, направленном на благо народа, на торжество коммунизма. Прославленная семья металлургов-орденоносцев Коробовых, семья отважных танкистов Михеевых, семья выдающихся музыкантов Лозолуповых — вот примеры, свидетельствующие о росте новых форм содружества, о неисчерпаемой силе народных дарований, ежедневно и ежечасно рождающихся, растущих и крепнущих в борьбе за свое право самоотверженного служения родине и социализму.

Развивая эти новые формы наш народ впитывает в себя все лучшее из опыта прошлого, все самое ценное и мудрое из того, что накоплено человечеством в течение веков.

Вот почему мы, люди советского театра, с таким волнением встречаем день 18 апреля, когда исполняется 100 лет безупречного служения народному реалистическому искусству замечательного артистического рода Садовских. Три поколения единой семьи выдающихся актеров в течение целого века играли на сцене московского Малого театра, создавая ярчайшие образы русских людей, волнуя зрителей проникновенностью чувств, жизненностью характеров и глубиной человеческих переживаний.

Жизнь трех поколений выдающейся артистической семьи Садовских будет служить великим примером для сотен и тысяч молодых артистов советского театра. Путь этой семьи наглядно показывает молодому поколению мастеров театра, что такое подлинная любовь к искусству жизненной правды, что такое беззаветное служение своей родине и своему народу!

Могуч и даровит народ, рождающий целые семьи великодушных талантов, великие семьи, которые в течение столетий несут в своих руках знамя народной культуры.

Могуч и даровит народ, давший человечеству великих гениев коммунистической революции, гениев-исполинов, имя которым — Ленин, Сталин!

ПРИКАЗ КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ПРИ СНК СССР 13 апреля 1939 года № 171

В связи с исполняющимся 18 апреля с. г. 100-летием выдающейся артистической деятельности на сцене Малого театра семьи Садовских, представители которой на протяжении века обогащали русскую театральную культуру блестящими образами реалистического искусства:

- 1) Дирекции Государственного ордена Ленина академического Малого театра разработать план проведения празднования юбилейной даты.
 - 2) Премировать Народного артиста Союза ССР — орденосца Прова Михайловича Садовского в размере десяти тысяч рублей (10.000 рублей).
- И. о. председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР
ХРАПЧЕНКО.

ПРАЗДНОВАНИЕ ЮБИЛЕЯ АРТИСТИЧЕСКОЙ СЕМЬИ САДОВСКИХ

18 апреля в Малом театре состоится торжественный спектакль «Горе от ума», посвященный столетию работы рода Садовских на сцене Малого театра. Постановка Народного артиста Союза ССР, орденосца П. М. Садовского. Роль Фамусова исполняет народный артист Союза ССР П. М. Садовский. Роль Молчалина — М. М. Садовский. После 3-го акта при открытом занавесе состоится чествование.

18 апреля в Щепкинском фойе Малого театра открывается выставка, посвященная столетию работы семьи Садовских на сцене Малого театра.

19 апреля в помещении Российского Театрального Общества состоится торжественный вечер, посвященный столетию артистического рода Садовских.

В ближайшее время в Российском Театральном Обществе состоится творческий вечер народного артиста Союза ССР П. М. Садовского.

Народный артист СССР П. М. Садовский (в центре) с актерской молодежью Малого театра. Третий слева в первом ряду племянник П. М. Садовского — М. М. Садовский.

П. М. Садовский - старший и его жена — Е. Л. Садовская; сидит их сын М. П. Садовский.

Традиции и современность

И. СУДАНОВ

Народный артист РСФСР, орденосеиц, художественный руководитель Малого театра.

Традиции Малого театра толкуются разное. О них немало спорят. Значит — они живы! В искусстве наименее спорно то, что наиболее отжило. К традициям Малого театра часто обращаются за поучительными образцами и великими примерами. К ним надо обращаться прежде всего, как к источнику новых вдохновений и исканий всегда нового и всегда смелого.

Традиции Малого театра надо вскрывать и распознавать не в отвлеченных формулировках критиков и теоретиков театрального искусства. Они открываются лучше всего в живых примерах реалистического мастерства, показанных в прошлом на сцене Малого театра его наиболее славными и наиболее выдающимися актерами. В этих примерах традиция предстанет перед нами не как нависшая готовая перепись, а как волнующий призыв к настойчивому труду, к вечно обновляющейся изобретательности, к неутомимому исканию все новой и новой сценической правды.

Славная семья Садовских за свое столетнее служение на образцовой русской сцене дала нам неисчерпаемое богатство знаменательных образов несравненного реалистического мастерства и никогда неуывающего неутомимого стремления ко все большему и большему совершенству сценических воплощений.

Родоначальник линии Садовских — Пров Михайлович Садовский стоит в одном ряду с великим М. С. Щепкиным, как один из основоположников русской реалистической школы сценического мастерства XIX столетия.

Восприняв лучшие заветы Щепкина, Пров Садовский сделал новый шаг вперед на пути к сценической правде, к простоте, к народности на театре. Пров Садовский первый разгадал и признал полную для тогдашнего театра драматургию Островского. Он первый прочно ввел Островского в репертуар лучшей русской драматической сцены. Вместе с Островским на русскую сцену Садовский ввел новый слой людей из народа — приказчиков, мастеровых, городской мешчанский люд.

Самым поучительным уроком для нашей современности в артистической деятельности Прова Садовского-старшего является то, что творчество его, его вся манера теснейшим образом связана с передовым течением современной ему русской сценической литературы. Пров Садовский неотделим от А. Н. Островского.

Крупнейший новатор русской реалистической драмы нашел в Прове Садовском своего самого глубокого, яркого истолкователя. Сценическое творчество Прова Садовского не было замкнутым в себе, самодовольным актерским мастерством; истоки этого творчества были в авторе. Садовский нес на сцену замысел и знамя автора. На сцене это был глашатай передовой демократической литературы своего времени.

Глубоко понимать автора, любить его, глубоко понимать всю пьесу в целом, нести в себе не только изображаемый образ, но и ту частицу целого всей пьесы, которая воплощена и светит в этом образе, — вот какие традиции положил на сцене Малого театра великий актер Пров Михайлович Садовский. И эти традиции несли продолжатели его рода.

Пров Михайлович Садовский блестяще знал современный ему быт. Он вращался в народной гуще, был близок своему народу. Природный талант актера сверкал всегда живыми, новыми красками, потому, что Пров Садовский прекрасно знал и прекрасно понимал свое время. Любить и знать свою эпоху, — вот чему учит нас живая традиция Прова Михайловича Садовского.

От Прова Михайловича Садовского-старшего до Прова Михайловича Садовского-младшего мы находим в творчестве этой славной актерской семьи разнообразную гамму нюансов актерского мастерства, — сочное, бытовое живописное изображение, самый тонкий лиризм и, наконец, порою приподнятый романтизм. Но всегда Садовским при всякой манере свойственно искание простой, глубокой правды; их актерское мастерство всегда подчинено естественным законам органического творчества. И всегда их речь есть безукоризненно русская, образцовая московская речь.

Традиции наших выдающихся деятелей сценического реализма, как и вообще традиции реализма великих литературных русских классиков, должны быть для нас орудием к подьему на новые высоты реализма социалистического. Любить и знать свою эпоху, высоко нести идейное знамя нашей советской литературы, стремиться быть верными истолкователями, а не «использователями» лучших наших драматургических произведений — вот что надо нам запомнить и удерживать из замечательных образцов служения искусству на сцене, какие нам представила славная актерская семья Садовских.

Замечательная плеяда

А. ГОЛЬДЕНБЕРГ

Народный артист РСФСР, орденосеиц, директор Московской Государственной консерватории.

Столетие актерской династии — событие исключительное. Случаи семейной преемственности в области искусства редки, но все же известны в истории. Наиболее яркий пример — многочисленный род Бахов, давший ряд замечательных музыкантов с великим Иоганном Себастьяном Бахов во главе. Семья Садовских — один из наиболее ярких примеров такой династии замечательных мастеров искусства.

Для меня славное имя Садовских близко с самых ранних детских воспоминаний. Мой отец в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов прошлого столетия был студентом московского университета и страстным театралом. Он часто впоследствии рассказывал нам, детям, про эти времена, и славные имена Щепкина, Самарина, Живоккина, Медведовой, юной тогда Федотовой и многих других ярко запомнились. Но чаще всего и с наибольшим восторгом отец рассказывал о любимце тогдашней молодежи — Прове Михайловиче Садовском и о созданных им незабываемых образах в пьесах Островского.

Позже, когда и сам стал посещать театр, чудесное дарование сына великого Прова — Михаила Провыча было в самом расцвете, так же как и несравненный по жизненной правдивости талант Ольги Осиповны Садовской — его жены. Жизненная правда на сцене, которой веришь, не замечая актерского мастерства и всей предварительной огромной работы, проделанной актером, — вот самое ценное в замечательном искусстве этих великих мастеров сцены.

А работа была большая, постоянная и упорная. Помню, я жил одно время вблизи от небольшого домика Садовских в Трехпрудном переулке. Когда, бывало, ни пройду перед вечером мимо их дома, Михаил Провыч всегда сидит в подветном своем кабинете в кресле у письменного стола и при свете одной свечи (электричества тогда в квартирах еще в Москве не бывало) работает над ролью, готовится к спектаклю.

Из недавно опубликованной переписки Михаила Провыча с Островским видно, как труден и тернист был в те времена путь даже таких замечательных актеров, как Михаил Провыч и Ольга Осиповна, и даже на сцене «императорского» Малого театра.

В наши счастливые дни мы рады приветствовать третье поколение семьи Садовских и выражаем пожелание и уверенность в том, что преемственность этого славного актерского рода не прекратится еще долгие годы во славу нашего родного русского искусства.

Непревзойденные мастера

Л. ЛЕОНИДОВ

Народный артист СССР, орденосеиц.

Славную чету Садовских — Михаила Провыча и Ольгу Осиповну — впервые я увидел в начале 90-х годов в Одессе во время гастролей Малого театра.

Очень хорошо в памяти моей сохранился спектакль «Свои люди сочтемся». Михаил Провыч играл Подхалюзина.

В 1895 году я поступил в императорское московское театральное училище. 16 августа был на открытии Малого театра, шел «Ревизор» в блестящем исполнении: городничий — Макшеев, городничиха — Никулина, Пошлепкина — Садовская, Хлестаков — Садовский. У меня даже сохранилась афиша этого спектакля. Незабываемое впечатление. Много я видел Хлестаковых, но выше Садовского в этой роли никого не помню. Прежде всего поражали стиль игры, манеры, разговор, обращение. Чувствовался подлинный человек 30-х годов прошлого века. А уж «ягкость в мыслях» действительно необыкновенная. Монолог третьего действия; как он произносил слова: «Да, деревня тоже имеет свои пригорки, ручейки...» и вдруг совершенно неожиданно и тихо: «зефиры».

Видел его и в Мурзавецком, Досуеве, Дергачеве, 1-ом мужике («Плоды просвещения»), Мелузове. Это был актер огромного обаяния и в то же время огромной скромности. Прослужив в Малом театре около 40 лет, он не был выявлен до конца. Мне приходилось с ним встречаться в жизни. Любил молодежь, был очень радушен, очень остроумен.

Об Ольге Осиповне писать очень трудно. Кроме восхищения, преклонения, обожания, которые я питал к этой

гениальной актрисе, — и ничего сказать не могу. Как я счастлив, что мне пришлось ее видеть.

Улита, Галчиха, Пошлепкина, Матрена («Власть тьмы»), Анфуса Тихоновна, Марфа Севастьяновна («Невольницы»), кухарка («Плоды просвещения»), Устинья Наумовна («Свои люди сочтемся»), Тугоуховская («Горе от ума»). Эти кованые, литые образы навсегда запечатлелись в моей памяти. Гениальная художественная простота, скупость приспособлений, никакого нажима, блестящий язык. Вот уж подлинная «музыка в разговоре», как говорит Несчастливцев.

Московский Художественный театр преклонялся перед великой актрисой. У Константина Сергеевича глаза загорались, когда он говорил об Ольге Осиповне, а Владимир Иванович часто на наших репетициях говорил: «общитесь с партнером, а не с зрительным залом, только Ольга Осиповна имеет на это право». Когда она выходила на сцену, казалось в зрительном зале Малого театра становилось светлее, теплее, радостнее. Ольга Осиповна была именно то, что составляет сущность театра, без чего театра нет. Когда я был учеником 1-го курса, — выпускался 3-й курс, шел акт из «Леса», и А. П. Ленский поручил мне роль Милонова. Какой же у меня был праздник, когда мне передали, что Ольга Осиповна меня похвалила, сказав: «из этого молодого человека выйдет толк».

Память об этой замечательной чете сохранится не только в стенах Малого театра, но и в сердцах тех, кто имел счастье их видеть и слышать.

Великое служение сценическому реализму

А. НЕЖДАНОВА

Народная артистка СССР, орденосеиц.

Из трех поколений славной династии Садовских я знаю два последних: Михаила Провыча и Ольгу Осиповну, затем Елизавету Михайловну и Прова Михайловича-младшего.

Всегда с любовью вспоминаю целый ряд блестяще созданных ими образов на сцене Малого театра. Всему роду Садовских, независимо от амплуа, от разных эпох их жизни, были свойственны общие черты их артистической природы: высокая талантливость, искренность, художественный реализм, чуткость и какой-то гуманный подход к характеристике каждой роли.

В искусстве появлялись и исчезали различные направления: и символизм, и декадентство, и мистика, и формализм; Садовские на протяжении 100 лет служили честно и искренно одному истинно-художественному направлению — реализму, основоположниками которого для всего русского театра были М. С. Щепкин и П. М. Садовский.

С глубоким чувством вспоминаю О. О. Садовскую, с которой мне ча-

сто приходилось выступать в концертах; я всегда восхищалась ее скромностью во внешних приемах характеристики роли, разнообразием в интонации, ее певучей, чисто московской речью, чем-то неуловимым, что делало ее гениальной в исполнении самых разнообразных ролей. Помню ее обаятельные образы на сцене, когда она, почти без грима, производила незабываемое впечатление. В жизни была она исключительно скромна, проста, ласкова.

Елизавету Михайловну я очень любила, как обаятельную артистку, с ее теплотой, женственностью, мягкостью. Таким же обаянием она обладала и в жизни.

Пров Михайлович меня всегда пленяет, как все Садовские, своей искренностью, горячностью, большим темпераментом и высоким мастерством настоящего драматического актера.

Светлая память Садовским, ушедшим из жизни; слава, честь и долгая жизнь ныне здравствующему П. М. Садовскому.

М. П. Садовский, О. О. Садовская, П. М. Садовский - младший, Е. М. Садовская, О. М. Садовская, Л. М. Садовский.

Столетие артистической семьи Садовских

Дата — 18 апреля (н. с.) 1839 года — одна из величайших дат в летописи Малого театра, а с ним вместе — и в истории русского театра.

В этот вечер молодой провинциальный актер (ему было всего 20 лет отроду) Пров Садовский дебютировал (на сцене Большого театра) в роли Жако Бижю во французском водевиле «Любовное зелье или цирюльник стихотворец».

Дебютант с этого же дня был зачислен в труппу Малого театра. С этого дня началось и без перерыва продолжалось столетнее служение династии Садовских Малому театру. Но служение этого славного актерского рода русскому театру в целом началось еще раньше.

Один из самых ранних биографов П. М. Садовского, Н. Шаловалов, писавший еще до его выступления в пьесах Островского, рассказывает со слов самого П. М. Садовского:

«Десяти лет он лишился отца и остался на руках матери и дяди. Григорий Васильевич Садовский был замечательным актером своего времени: оперный певец, он превосходно исполнял роли первых любовников. Обреченный судьбой на трудную, скитальческую жизнь кочующего артиста, в полной зависимости от личного произвола содержателей театров, он выпросил, однако ж, у матери, обремененной семейством и хлопотами по делам, ее сына в намерении взять его на свое попечение. С этих пор Садовский неотлучно находился при своем дяде в Туле, переписывая ему роли и каждый день бегая в театр, откуда возвращался домой один, подчас глухой ночью, на расстоянии, может быть, более версты от театра. Дяде обман наш комик своим ранним знакомством со сценой; ему же обман он и фамилий» *).

К несчастью, этот талантливый артист недолго пользовался сценической славой: раз как-то, отдавшись вполне игривой роли, он чересчур естественно прыгнул с верхнего моста... Болезнь и скорая кончина были следствием этой оплошности: он умер на 23 году своей жизни. Его заменил сироте другой дядя, Дмитрий Васильевич Садовский, известный комический актер при Оренбургском театре. Под его руководством четырнадцатилетний Садовский дебютировал на Тульской сцене, в роли Сезара, в пьесе П. Арапова «Ватель, или потомок великого человека». Дебют удался, и Садовский сыграл в тот год больше двадцати ролей разного характера и достоинства: за что и получил от директора тамошнего театра Турчанинова целковый рубль денег» **).

Итак, до дебюта в Малом театре двадцатилетний Садовский обладал уже одиннадцатилетним стажем работы в театре; как актер, он выступил впервые на подмостках, когда ему было всего четырнадцать лет.

Садовский испытал на себе всю невеселую долю русского актера давних лет, о которой не раз повествовал своему другу Островскому, с любовью и правдой рисовавшему провинциальных актеров в целом ряде своих пьес. Однажды актерам вместе с Садовским пришлось играть, ради хлеба насущного, перед единственным зрителем в театре — пред пьяным трактирщиком, обещающим ценю такого спектакля накормит годовых актеров обедом. Пьеса не понравилась трактирщику.

«Брось, — приказал он актерам, — валий плясую!» И актерам пришлось пуститься в пляс. Это было в Лебедяни, а в Ельце дело дошло до того, что один из актеров труппы, где играл Садовский, умер от голода.

Пров Садовский выдержал всю эту актерскую муку, согреваемый изнутри глубокой любовью к искусству, страстной жаждой ему послушать.

Эти черты, драгоценные в художнике и человеке, оставались неизменными в течение всего жизненного и творческого пути Садовского.

Он никогда не принадлежал к числу актеров, любимых начальством. Его только терпели, как артиста огромного дарования и столь же огромного успеха у публики.

На сцену Малого театра привели Садовского Шепкин и Живокини.

Но долгие годы театральное начальство не подпускало Садовского к большим ролям и серьезным пьесам. Его держали на «водевильном положении», заставляли изо дня в день играть всякий переводный и оригинальный вздор, в то время, как артист впадал к большому искусству жизненной правды и художественной силы. Но и эти «водевильные роли» — по произволу на-

чалства — выпадали на долю Садовского не часто.

В более поздние годы, когда Садовский стал уже любимцем Москвы и с исключительным успехом выступал в пьесах Островского, «хозяин» Малого театра, известный композитор А. Н. Верстовский, вслух заявлял: «От Садовского с Островским сцена пропахла дублеными полушубками и детским смазанным салоговом».

Чем сильнее развешивал свое реалистическое творчество Садовский, чем больше радовался он тому, что благодаря Гоголю, Островскому, Писемскому, он может раскрывать теперь со сцены жизнь народа, тем холоднее и враждебнее относилось к артисту-демократу театральное начальство.

Есть рассказ И. Ф. Горбунова о том, как Садовский, уже знаменитый артист, был, по приказу начальства, командирован в Петербург. Никогда не бывав в столице, командующей Россией, Садовский ехал туда неохотно. При въезде на Аничков мост, увидя статуи барона Кюльда, он мрачно спросил Горбунова:

— Это что за кони? Зачем они?
— Для красоты, Пров Михайлович, — робко ответил Горбунов.

— Для красоты? — протянул Садовский, — и вдруг с сердцем отчеканил, очевидно по адресу петербуржцев вообще:

— Ах, вы, сукины дети! *).

В это неожиданное и энергичное замечание Садовский вложил гнетущее чувство, вынесенное им из длительного созерцания многообразной народной нищеты и забитости, — созерцания, отравляющего ему весь путь от Петербурга до Москвы. В этот негодующий выкрик по адресу праздного казеннобарского Петербурга Садовский вложил всю горечь человека, по себе знающего всю безмерную пропасть между тяжестью народного труда, не «красящего» человека, и великодушной барской «красою», пожирающей этот труд.

Садовский был актер-демократ в самом высоком смысле этого слова.

Все его творчество было связано с жизнью, мыслью и лучшими упованиями своего народа.

Уже в первой пьесе, с которой связан первый шумный успех Садовского, в заглавном водевиле «Филатка и Мироска» он, вместо трафаретного водевильного «мужичка-простака себе на уме», создал живой образ, исполненный подлинно-народного юмора и подкупивший своей правдивостью.

Гоголь, высоко ценивший дарование Садовского, дал ему впервые тот драматургический материал, который был достоин его великого дарования.

Роль Подколесина («Женитьба») Садовский получил после того, как в ней выступили Шепкин и Живокини, — и роль, при жизни этих двух славных артистов, навсегда осталась за Садовским. Случилось это потому, что лишь один Садовский, удержав в Подколесине щепкинского типичность старого холостяка и сохранив чудесный комизм Живокини, разработал до поразительной жизненности характер Подколесина, дал в нем неповторимое лицо, неразложимую личность (индивидуальность).

Еще более смелый и прямой шаг к новой, углубленной правде Садовский сделал в «Ревизоре».

Его Осип был сыгран в ярких комедийных тонах; но артист, утверждая своей игрой всю силу Гоголевского смеха, разгадал его тайну: это был смех сквозь слезы. В изображении Садовского Осип был прямой жизненный слепок с крепостного слуги, по горло сытого барской остроткой и горьким голодным сухарем с ключевой водичей.

Появление на сцене комедий Островского дало таланту Садовского вторую молодость, гораздо более яркую, чем первая. Начиная с роли купца Русакова в комедии «Не в свои сани не садись» (1853) Садовский, за исключением четырех пьес, перешел во всех комедиях и драмах Островского, — и каждая роль, будет ли это сугубо комический Тит Титыч («Тяжелые дни»), или трагический Любим Торцов («Бедность не порок»), была новым торжеством таланта Садовского, новым завоеванием в области искусства.

Садовский был актером могучей правды и великой простоты. Его исполнение, потрясавшее то силой чувства (Любим Торцов), то неоспоримым ужасом действительности (Дикой в «Грозе»), было прежде всего глубоким знанием русской жизни — знанием, которое насковоз пронизывало весь сценический образ, создаваемый Садовским, не лишая его ни непосредственности, ни живости.

Когда в 1854 году Садовский впервые выступил в роли Любима Торцова, демократическая публика Малого те-

С. Дурьлин

атра поняла, что совершилось событие, открывавшее новую эпоху в истории русского театра. «Шире дороги! Правда на сцену идет. Любим Торцов — правда. Воплощенная правда выступила на сцену!» — так, по рассказу И. Ф. Горбунова, встретил демократический зритель 1850-х годов Садовского в комедии Островского. Аполлон Григорьев с большой чуткостью выразил то впечатление, которое выносилось из игры Садовского в «Бедность не порок»:

П. М. Садовский-старший в роли Любима Торцова («Бедность не порок»)

Комедия ль в нем плачет перед нами, Трагедия ль хохочет вместе с ним, Но знаем мы и ведать не хотим!

Впечатление, выносимое зрителем от Садовского Любима Торцова, было так высоко жизненно, так поэтически-действительно, что оно не укладывалось ни в какие привычно-театральные определения. Не комедия, не трагедия, а жизнь, где, как в солнечном спектре, слиты всевозможные цвета и оттенки бытия, — жизнь, вот, что такое было искусство Садовского.

С первого выступления в роли купца Русакова («Не в свои сани не садись», 1853 г.) до последней роли уездного кулака-лесопромышленника Восмибратова («Лес» 1871 г.) Садовский провел зрителя по всем захолустьям и «бойким местам» той страны, которую Добролюбов назвал «темным царством», — и поразила всех неопровержимой правдой своего показа русской жизни, полнейшей достоверностью социальных типов, глубиной раскрываемых характеров, необыкновенной свежестью красок.

Из других ролей Островского Садовский творил с мудрою любовью высокие образы народной правды и доблести. Таков был у него Любим Торцов с его чистой душой и высоким чувством чести; таковы исторические герои — правдолюбивый воевода Ворогунский («Василиса Микутенья»), дьяк Осипов, облачающий Самозванца («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский»), освободитель Москвы — Кузьма Минин (эту пьесу Островского Садовский поставил в свой бенефис, как только она вышла из-под цензурного запрета).

Великий народный художник, давший жизнь лучшим образам Гоголя, Островского, Тургенева, Писемского, Сухово-Кобылина, Пров Садовский оставался таким же мощным художником и тогда, когда обращался к образам мирового театра. Шекспир, Мольер, Кальдерон — он их чувствовал столь же глубоко, как Гоголя, он их воплощал столь же верно, как Островского.

Всюду и всегда Садовский оставался великим художником правды и простоты.

Смерть оборвала прекрасный труд Прова Садовского, когда ему было всего 54 года и русский театр мог еще ждать от него многих замечательных созданий.

Уходя в могилу, Садовский мог радоваться тому, что дело, которому он отдал всю жизнь, победило: правда реализма была навсегда утверждена на русской сцене, его усилиями она стала правдой народного искусства.

Но у умирающего Садовского была еще радость, которая в редчайших случаях выпадает на долю художника: как продолжателей своего дела, он оставил после себя учеников-наследников — сына и невестку, Михаила и Ольгу Садовских.

*

В 1869 году М. П. Садовский дебютировал в Малом театре в комедии «Свои люди сочтемся»: отец уступил ему роль Подколесина, а сам вышел

на сцену Большовым. 14-го января 1870 года, в бенефис П. М. Садовского, в первый и последний раз, играли вместе трое Садовских: родоначальник династии выступил в прославившей его роли Русакова, Бородинка играл М. П. Садовский, а Арину Федотовну — невеста М. П. Садовского — О. О. Лазарева *).

Островский знал и любил уже прекрасные дарования молодых Садовских: он усматривал в них законных продолжателей дела их отца.

В творческом облике М. Садовского глубокая искренность переживания всегда соединялась с благородной простотой внешних приемов сценического выражения. М. Садовский никогда не лгал на сцене ни назойливым смехом, ни вымученной слезой. Он никогда не искал жизненности в приемах внешней театральности — он почерпал ее через самопогружение в чужую душу, как в свою собственную. Светлый юмор и неподдельная задумчивость были природными свойствами его таланта. Народный артист — это почетное звание наших лет шло бы к М. Садовскому, как редко к кому другому: он был подлинно народен в прекрасной человечности своего искусства и в чистой ясности и красочной выразительности своей речи.

Через тринадцать лет после первого появления М. П. Садовского на сцене И. С. Тургенев, посмотрев его в ничтожной роли в ничтожной пьесе В. Крылова, писал М. Г. Савиной:

«Из молодого Садовского (сына) выйдет со временем большой актер; у него естественность и жар, и добродушие, и часть того симпатического, спокойного юмора, которым так богат был его отец» **).

Предвиденье И. С. Тургенева оправдалось вполне. Из М. П. Садовского вышел «большой актер» с многими чертами наследственного сходства с отцом.

Трудно указать пьесу Островского, в которой по воле драматурга и по собственному изволению не участвовал бы М. Садовский.

М. Садовский в совершенстве знал был, в котором «бытовали» его персонажи. Подобно своему отцу, он был таким знатоком живой народной речи, что мог по тону и складу речи, по перезвону ударений указать, из какого угла не то что Россия, а даже Москва, пришел его собеседник. Но никакие — сами по себе изумительные — бытовые подробности, никакие красочные нити житейской беседы, чем изобилуют комедии Островского, не могли отвлечь Садовского-сына от глубокого построения характеров, от превосходных оживотворений Человека, а не бытовой особи.

Кто бы ни являлся перед нами — Муравецкий или Мелузов, Андрей Белугин или Аркашка — от них веяло покоряющей свежестью жизненного дыхания — будто они представляли перед нами прямо из старо-дворянской усадьбы или из тесной комнатки студента, минувшая пыль и теснота кулис.

Как Садовский-отец, так и Садовский-сын искали на сцене не приблизительного жизнеподобия, а настоящей жизни с ее обаятельным теплом, с ее благотворным волнением, с ее неисчерпаемым богатством красок.

Этого же искала и это постоянно находила и гениальная Ольга Осиповна Садовская (1850—1919).

Она всю жизнь, с молодых лет, занимала ампулу «комической старухи», но ни единого раза не сыграла «роль» и никогда не изображала ни единой «комической старухи». За пятьдесят с лишком лет своей деятельности Ольга Осиповна познакомила нас с несколькимистами пожилых и старых русских женщин, начиная с няньки Недвиги, рассказывающей сказку в тереме воеводы XVII века, и кончая кухаркой, моющей посуду в кухне господ Звездичевых, где-то в московском переулке 1890-х годов. Голодная крепостная старуха, тоскующая в курной избе по сыне, взятом на войну («Неприятель», эпизод из 1812 года, С. Мамонова), графиня Хромина, мечтающая сдать в солдаты вольнодумца Чацкого («Горе от ума»), слесарша Поплепкина («Ревизор»), хозяйка корчмы на Литовской границе («Борис Годунов»), замоскворецкая сваха, раздобывшая на купеческих хлебах («Свои люди сочтемся»), пожилая мещанка, довольная насидевшаяся на голодном сухаре («Таланты и поклонники»), купчиха Кабаниха, держащая в своей власти весь город («Гроза»), баба из пицней Тульской деревни времен Александра III («Власть тьмы») — в ком бы ни появлялась Садовская, она подчиняла себе всех со- вершенной правдой преображения в то

«я», которое принимала на себя. У этого «я» есть разные оболочки эпохи, среды, быта, жизненного уклада — и всех их Садовская включала в это «я», которое вбирала в себя.

Островский с первых робких шагов Садовской на сцене отметил ее гениальное дарование, неустанно следил за его развитием, а в конце жизни говорил, что Садовская все роли в его пьесах исполняет превосходно, а Домну Пантелеевну в «Талантах и поклонниках» — идеально.

Никто из русских актеров не может похвастаться такой полнотой репертуара Островского, как О. О. Садовская. Из 48 оригинальных пьес Островского она не играла только в тех восьми, в которых вовсе не было для нее роли («Бешеные деньги», «Дмитрий Самозванец»), или которых не было в репертуаре Малого театра в ее время («Турбин»). В некоторых из пьес она играла по две («Воевода», «Семейная картина») и даже по три роли («Гроза» — Варвара, Фекуша, Кабаниха).

Для женских образов Островского О. О. Садовская сделала то же, что Пров Садовский сделал для мужских образов: она нашла им непререкаемо-верную и глубоко-народную форму воплощения. Видеть Садовскую в ролях Островского значило видеть Правду на сцене, — правду народного искусства.

О. О. Садовской суждено было вынести народное дело Садовских — их искусство правды и простоты — на суд народа. Ей было 67 лет, когда Октябрьская революция широко раскрыла перед народом двери театров.

Всего только два года работала Садовская в советском театре, — но встреча ее с народным зрителем была необычайно сердечна и радостна.

Зритель из широких народных кругов постоянно требовал, чтобы Садовская участвовала во всех выездях Малого театра на фабрики, заводы, в красноармейские казармы. Без ее участия спектакль казался неполно.

Со дня смерти О. О. Садовской, славной представительницы второго поколения династии Садовских, скоро исполнится двадцать лет — и достойными продолжателями дела Садовских явились за это время представители третьего поколения — дети М. П. и О. О. Садовских.

Первой из этого поколения вступила на сцену Малого театра их дочь — заслуженная артистка Республики Елизавета Михайловна Садовская: она дебютировала в 1894 году и в течение сорока лет (умерла в 1934 году) радовала зрителя своим изысканным и искренним дарованием. Она разделяла наследственную любовь к Островскому, и ее лучшими ролями были девушки Островского: горемычная племянница скряги Крутицкого («Не было ни гроша, да вдруг алтын»), светлая сердцем Любовь Гордеевна («Бедность не порок»), ищущая воли и доли Аксьюша («Лес») и прелестная «девушка-Снегурочка»: ее образ был овеян у Садовской 2-й пленяющей поэзией русской сказки.

В 1895 году впервые вышел на сцену Малого театра Пров Садовский-младший *).

Деятельность этого превосходного артиста у всех перед глазами. Пров Михайлович Садовский достойно продолжает славное дело своего деда, отца, матери, сестры. Ряд замечательных образов в пьесах Островского — Милозворов («На бойком месте»), Мизгирь («Снегурочка»), Дубровин («Воевода»), Глумов («На всякого мудреца довольно простоты»), Несчастливцев («Лес») — свидетельствуют, что старый, столь счастливый для русского театра, союз династии Садовских с Островским продолжается и попрежнему ведет к победе правды и простоты на фронте искусства. Как на устах у деда и отца, русская речь у Прова Садовского-внука сверкает всеми своими самоцветами.

Пров Михайлович Садовский носит звание Народного артиста СССР. Звание это достойно дано прекрасному артисту за его выдающиеся заслуги перед искусством. Но в применении к Прову Садовскому-младшему почетное звание Народного артиста СССР приобретает особый углубленный смысл. В лице здравствующего представителя артистической династии Садовских увековечивается столетняя неустанная работа этой славной династии на пользу народного искусства жизненной правды и прекрасной простоты.

* В предреволюционные годы на сцене Малого театра выступал и второй сын М. П. и О. О. Садовских — Михаил Михайлович, ранее игравший в Ростове и Дону, Петербурге и т. д. В настоящее время вступило в жизнь и четвертое поколение Садовских. Его представителями являются артист Малого театра М. М. Садовский, недавно выступивший в роли Молчалина в новой постановке «Горе от ума», осуществленной П. М. Садовских.

* Отец Садовского был рязанский помещик Ермолаев, по прозвищу Ермилков.

** Н. Шаловалов. П. М. Садовский. «Драматический альбом». Издание П. А. Арапова и А. Раппольта. М. 1850, стр. 122—123.

* Сочинения И. Ф. Горбунова. Изд. О-на любителей древней письменности, том III, СПб., 1907, стр. 311.

* «Московские ведомости», 1870, № 5. В 1850-х годах подвизались в Малом театре, на третьем плане, брат и племянник П. М. Садовского.

** Письмо от 24 апреля 1880 г. «Тургенев и Савина», письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. П., 1918, стр. II.

Три поколения славной династии

А. ЯБЛОЧКИНА

Народная артистка СССР, орденосеица

Реализм, с лишком сто лет исповедуемый Малым театром, всеми своими корнями связан с артистической фамилией Садовских. Если реализм Щепкина утверждался Гоголем и Грибоедовым, то реализм Садовских воплощался и нашел свое применение, главным образом, в Островском. Эта семья неповторяемых и изумительных талантов особенно ярко выявляла свое мастерство именно в образах, созданных Островским. Блестящее знание быта, изумительное владение словом, красота речи, отсутствие какого-либо наигрыша, великая художественная правда, простота, яркость красок и умение одним штрихом, одной чертой осветить всю роль, чувство художественной меры — вот, что несли с собой великий Пров Садовский — этот колосс русского театра, неподражаемая, изумительная в своей великой простоте и проникновенности в исполняемых ею образах Ольга Осиповна и, наконец, полный ума, юмора, чувства Михаил Провыч Садовский, который соединил в себе и большого артиста, и беллетриста (2 книги рассказов из жизни московских окраин), и переводчика.

Михаил Провыч был лингвистом, знал несколько языков и перевел много пьес для сцены (между прочим «Федру» Расина для Ермоловой). Он блестяще владел стихом. Его пародии и эпиграммы, иногда совсем цезурные, но всегда необыкновенно острые, злые и талантливые, постоянно ходили по рукам у нас в Малом и среди театралов.

На мою долю выпало счастье играть и с М. П. Садовским и с Ольгой Осиповной, перед которыми я благоговела и преклонялась, и, наконец, с третьим поколением Садовских — Лизой и Провычком, ныне Провом Михайловичем — Народным артистом СССР, орденосеицей, который является столпом, опорой, а бы сказала — лицом Малого театра.

Когда я начинаю вспоминать созданные Ольгой Осиповной образы, я трясусь: что надо особенно выделить? Все изумительно!.. Венцом ее неподражаемого искусства, конечно, был Островский, в нем она купалась, это было идеальное типическое воплощение русских замоскворецких женщин, вся их психика, повадка, жестикация. Здесь был русский дух, здесь Русью пахло. А речь ее?!.. У нее надо было учиться русскому языку. Это была не речь, а музыка, необыкновенно четкая, сочная, ясная. Вот уж, действительно: слово молвит — рублем подарит! Но не только в Островском она была на вершине искусства. Ее Пошлепкина в «Ревизоре» — это был какой-то фейерверк! Появляясь, она заполняла собою всю сцену. А графиня Хрюмина в «Горе от ума!» Вы видели перед собой какой-то осколок, рину давно минувшего. Она появлялась в глубине сцены и не шла, а ее будто несло по инерции на авансцену к рампе, а зрительный зал дрожал от рукоплесканий... А жуткий образ Матрены из «Власти тьмы», жуткий по своей простоте, бессознательности и правоте, с которой она творила свое страшное дело. Вспоминаю, как в слабой пьесе Рыжкова «Прохожие» Ольга Осиповна играла ревнивую жену мужа-бонвивана (Правдин), ухаживающего за опереточными актрисами. После своего объяснения с мужем, на уходе, она поворачивалась к нему и говорила совершенно просто, не возвышая голоса: «животное!», и весь театр разражался взрывами долго несмолкающих аплодисментов. А целый ряд женских образов в пьесах Сумбатова: Рыдлова — «Джентельмен», помещица Балунова — «Закал», Дарья Кирова Глушакова — «Старый закал», Турашева — «Ночной туман» и др. Сколько в них разнообразия, наблюдательности, юмора! И какие все они нам близкие и знакомые. Ее стилем была комедия, но и в драме она давала незабываемые, полные глубокого чувства и щемящей боли и мягкого лиризма образы.

С Михаилом Провычем Садовским я была занята в «Ревизоре», играла Марью Антоновну, а он Хлестакова. Об исполнении им роли Хлестакова все историки театра и критики, его видевшие, в один голос повторяли, что это был лучший Хлестаков, который безукоризненно олицетворял замысел автора. То же, что я говорила об исполнении ролей Островского Ольгой Осиповной, надо повторить и о Михаиле Провыче. В каждой роли, будь то Муравецкий, Подхализин, Мелузов в «Талантах и поклонниках», Тихон в «Грозе», Милослов в «Без вины виноватые» и пр., всюду вы видели людей, прямо выхваченных из жизни, без малейшей утрировки. Целая галерея типов, которые и сейчас, как живые, стоят перед глазами. Я вспоминаю, какое огромное впечатление он произвел на меня исполнением роли Андрея Кол-

гуева, в пьесе Немировича — Данченко «Новое дело», какой громадный душевный надрыв! Он тогда захватил всю публику, и зрительный зал при его объяснении с Федотовой прямо замер... А его характерные, освещенные мягким юмором, образы из пьес Сумбатова: «Муж знаменитости» — репортёр Воран, Никтополон Стремглов — судебный пристав из «Заката», зачитывающийся Понсоном дю Террайль, потому что это «совсем на жизнь не похоже!» Надо было слышать, как он говорил с особенным проносом: «Понсон дю Террайль!» А Эспер Андреевич Корнев в «Старом закале» и его поучения Ульяну, — которого чудесно играл М. П. Садовский, — как надо обращаться с женщинами...

Когда я вспоминаю всю бесконечную галерею образов, созданных этими великими артистами, я чувствую глубокое удовлетворение и счастье, что я не только их видела, но во многих пьесах была соучастницей этих незабываемых спектаклей. Как жаль, что такие таланты не могут жить вечно! Спасибо им за то, что жили, творили и давали нам столько счастья своим творчеством!

Переходя к третьему поколению Садовских, я не могу не вспомнить добрым словом Елизавету Михайловну Садовскую. Она унаследовала от своих родителей чудесную московскую речь, в ней было очень много женского обаяния, теплоты, искренности. Она была очаровательной Снегурочкой, грациозным Ариэлем в «Буре» Шекспира, а когда стала переходить на характерные роли, выказала неподдельный комизм и большую наблюдательность.

С первых шагов Прова Михайловича младшего на сцене я была свидетелем и участницей всего пройденного им пути. О первых годах его сценической деятельности можно сказать, что это был необыкновенно картинный, красивый, с чудесной фигурой артист. В даровании

О. О. Садовская в роли графини Хрюминой («Горе от ума»).

его преобладал не быт, а больше лирика, романтика. С большим, солидным успехом он сыграл Чацкого, причем роль у него непрерывно росла и совершенствовалась. Но было маленькое «но» в творчестве Прова Михайловича в молодые годы... Да не посетует на меня Пров Михайлович — это некоторая самолюбленность, самолюбование. В сильных местах иногда изменял голос — он охрипал. И вот, в свои зрелые годы этот талантливый артист не только не сдал, а с каждой новой ролью растет, углубляет свое творчество, придает большую характерность своим образам и становится уже во многих ролях в ряд со своими знаменитыми родителями. Благодаря тому, что Пров Михайлович бросил курить, голос стал чище, сильнее и податливее на все модуляции. Нельзя без радости вспомнить его короля Карла в «Кромвеле», Брута в «Юлии Цезаре» Шекспира, где он достигал совершенства по линии классического актера и передавал свою роль с необыкновенной сдержанностью и большим благородством, давая запечатляемую классическую фигуру. Его чудесно вылепленный Филипп в «Дон Карлосе» и, наконец, две последние его роли — Несчастливцев в «Лесе» и Фамусов в «Горе от ума» — ставят его в ряды самых выдающихся артистов нашей сталинской эпохи. И радостнее всего, что он не успокаивается на лаврах, и, чувствуя на себе великую ответственность продолжателя столетней артистической династии Садовских, Пров Михайлович непрерывно растет, совершенствуется и с гордостью и по праву несет имя Садовского.

П. М. Садовский-старший в роли Расплюева.

Могучий род

В. МАССАЛИТИНОВА

Народная артистка РСФСР, орденосеица

Роду Садовских — сто лет. Трудно писать о таком большом для театра событии в короткой заметке. Такое исключительное явление нужно долго и вдумчиво изучать. Воспоминания о доме Садовских должен лелеять в душе каждый артист, художник и гражданин. Этот чудесный столетний могучий род связан с величайшим русским писателем А. Н. Островским. Кто знает — не будь этой славной семьи, возможно гений Островского прозвучал бы глуше и вся мощь его гения, подобно величавой русской реке, плавно катящей свои воды, встретила бы пороги и где то бы прервалась могучий ход истории русского национального театра.

Мои современникам, даже тем, у кого за плечами 60 лет, не удалось видеть великого Прова Садовского, но о потомках его Михаиле Провыче, Ольге Осиповне, Прове Михайловиче и Елизавете Михайловне мы можем говорить, как современники, товарищи и поклонники их больших талантов.

Вся сила гения старшего поколения Садовских была в мудрости в меру высказанного и в скупости недосказанного. В частности, меня поражали в них простота, ясность и неизбывная глубина, как чистый родник. Недаром Ольгу Осиповну в роли Матрены во «Власти тьмы» Лев Толстой сравнивал с чистым золотым зерном колоса, вскормленного солнцем. Что бы она ни играла — это была великая жизненная правда, оттого всегда какое-то спокойствие наполняло все существо зрителя. Отличительной чертой сценического творчества Михаила Провыча и нашего Прова Михайловича всегда была неудовимая, тонкая ирония и природное обаяние. Это же было в меньшей мере и в Ольге Осиповне. Учиться у этой артистки было возможно, но подражать — никак, ибо от этого получался только шаблон, и правы те, которые круто повернули и сказали себе: лучше маленькое свое, чем хорошее чужое, так как подражать чудесной природе невозможно, копировать же ее — скучно.

Вспоминаю созданные ею образы — от матери-крестьянки до взбалмошной дворянки, — невольно со слезами радости задумываешься над сознанием, что ты около нее росла, имела счастье с ней играть и общаться в жизни.

...Как хлебосольно жила Садовские, кто только не перебивал в их Мамонтовском доме! Какое едкое и тонкое эпитрамы искромотно рождались у Михаила Провыча. На другой день эти эпитрамы знала вся Москва, но стоили они дорого Михаилу Провычу в его жизни в казенном театре. Михаил Провыч был на редкость культурный человек, тогда как у Ольги Осиповны все неожиданное шло от природы: скажет, как рублем подарит, если высьмет — то тонко и с огромной пользой для простачка.

Многие от своих замечательных родителей несет в себе наш Пров Михайлович — Провычка, как привыкли мы звать его в быту.

Радостно сознавать, что в этот знаменательный день Пров Михайлович, славный наследник великих традиций Дома Садовских, живет и творит с нами и полон творческих сил и возможностей для создания новых и больших образов людей нашей социалистической родины.

Чудесные таланты нашей великой родины

Е. ТУРЧАНИНОВА

Народная артистка РСФСР, орденосеица

Фамилия Садовских вызывает в памяти много прекрасных воспоминаний. Целая вереница художественных образов проходит передо мной — волнующих, удивляющих своей жизненностью, реальностью, высоким художественным мастерством.

Родоначальник этой фамилии Пров Садовский ярко заблистал на сцене Малого театра, как только появился репертуар Островского. Автор и актер были родные души, понимали друг друга. Правда, естественность, чувство связали их навсегда. Эти качества Пров Михайлович передал всем своим преемникам — Садовским. Мне хочется вспомнить тех, кого я, к моей большой радости, застала еще действующими на сцене и с кем мне приходилось много играть.

Михаил Провыч Садовский создал чудесный образ Хлестакова, послуживший примером для множества актеров, его преемников на нашей и периферийных сценах. Замечательный Подхализин, Муравецкий, купец Барабошев в «Правде хорошо», Дергачев в «Последней жертве» — трудно перечислить всех богатейших, разнообразнейший репертуар Островского, из гениальных рук которого Садовский принял свои роли и чье признание он получил в полной мере. Эти образы ярко сверкают передо мной. Я помню, как после целого ряда комических ролей Михаил Провыч играл роль с драматическим оттенком и пораил всех тонкостью, задушевностью и глубиной своего исполнения (Аргунин в пьесе Крылова). Шекспир и Мольер также были в его репертуаре. Он был образованным, остроумным человеком. Его злободневные эпиграммы отличались тонким юмором и острым сарказмом. Прекрасные повести, полные наблюдательности, и многочисленные переводы с французского и итальянского языков — все

кроме своего большого таланта Ольга Осиповна видела всех этих людей, она знала их среду, обстановку, сама была старой москвичкой, все это вошло в плоть и кровь. Она не «представляла», а жила их жизнью на сцене, воплощалась в знакомую оболочку, которая для будущих поколений будет скоро так же далека, как персонажи Шекспира, Мольера и т. д.

Ольга Осиповна Садовская была выдающейся представительницей школы Малого театра. У нее всегда были яркие, сочные краски, без малейшего шаржа, без назойливости. У нее было много душевной теплоты, мягкости, лирики, глубокого чувства. Она не любила (как и все наши старые актеры Малого театра), когда актер говорил себе «под-нос», не любила той «простоты», которая «хуже воровства». Слово — это самое важное и драгоценное — должно быть ясно донесено до зрителя (разумеется без назойливой отчетливости). Если его нет, нет и мысли, нет существа роли, автор обкрадывается. Она не любила, как она выражалась, когда «говорят из погреба по телефону».

Я счастлива, что пришлось мне много играть и учиться у этой несравненной четы Садовских, на которых я с юных лет смотрела с благовоением и восторгом.

Моя современница Елизавета Михайловна Садовская отличалась великолепной памятью и умением схватывать и проникать в сущность роли. Диалог ее был прекрасен, играть с ней было легко и приятно. Она умела «слушать» — искусство, не всем отпущенное в должной мере. Умела сразу схватывать намерение партнера, принять его и самой обогатить его своей интонацией. Женственность, мягкость, теплота — вот те качества, которые отличали эту артистку. Она была очаровательной, настоящей русской Снегурочкой; она исполняла много ролей комедийного репертуара; все, что она делала на сцене, отличалось благородством, простотой и прекрасной речью. Мы прошли с ней долгий путь, и я грущу, что ее нет теперь с нами. Она была достойной представительницей славного имени Садовских, глубоко порядочный, милый человек и товарищ.

Пров Михайлович Садовский. На наших глазах рос этот прекрасный актер. Он освобождался от недостатков, присущих молодежи, от стремления к некоторой красавице, позе; его сценический опыт углублялся, он развивал в себе умение мастерски вести диалог. Чувством стиля, чувством меры — этими драгоценнейшими качествами актера П. М. Садовский обладал всегда.

Я вспоминаю ряд ролей, иггранных Провом Михайловичем: Чацкого, Дмитрия Самозванца, Колычева, Дубровина в «Воеводе». Благородное классическое исполнение роли Брута в «Юлии Цезаре» Шекспира, образ Глумова, тонко исполненный. Много пришлось мне играть с Провом Михайловичем в молодости: в «Гейдельберге» он исполнил роль принца, в «Девичьем переполохе» — роль дьяка. Я всегда вспоминаю с удовольствием прекраснейшего партнера, с которым удобно, приятно и легко играть.

Художественный вкус Прова Михайловича всегда ярко сказывается в его замечаниях и советах.

Радостно видеть, как на моих глазах мой старый товарищ вырос в большого, прекрасного мастера, который по праву может считать себя наследником и преемником славных традиций этой знаменитой фамилии. Желаю Прову Михайловичу долгих лет и новых достижений!

Еще об одном замечательном свойстве, присущем всей плеяде Садовских, хотелось бы мне напомнить. Это свойство — простота, жизненность речи в пьесах современного репертуара и благородно-возвышенный тон в классических произведениях (ничего не имеющий общего с ложным пафосом), который всегда отличал старых мастеров Малого театра.

Это свойство надо культивировать. Необходимо сохранить преемственность, она исчезает. Пусть обновляется характер исполнения и классический и современных пьес, но существо остается, оно так выгодно показывало прекрасные особенности Малого театра.

Сегодня, в день 100-летнего юбилея Садовских, особенно важным для нас становится определение путей, ведущих наш театр к укреплению лучших традиций прошлого, тех традиций, которые помогают нам строить великое искусство страны торжествующего социализма.

Е. М. Садовская в роли Снегурочки.

было отмечено присущей ему талантливостью.

Ольга Осиповна Садовская — непревзойденная артистка на комические и драматические роли старух. Какая внешность! Чудесное лицо поражаало своей выразительностью почти при полном отсутствии грима. Все достигалось мимикой, изображением внутренних разнообразных чувств. Голос, который поражал разнообразием интонаций. Она была очень музыкальна, прекрасно играла на роле, пела, и вот эти качества ярко отражались в ее восхитительно-чистой, образцовой московской речи.

Старуха-крестьянка и нянька в «Воеводе» — две разные роли, иггранные ею в один вечер; Кабаниха в «Грозе» и Мавра Тарасовна в «Правде хорошо», Глафира Фирсовна в «Последней жертве», незабываемая Незабудкина в «Бедной невесте» (одно из замечательнейших ее созданий) — опять надо перечислять весь репертуар Островского. Кухарка в «Плодах просвещения», страшная в своем невежестве, олицетворение власти тьмы, Матрена, Галчиха, Кабаниха, Пошлепкина, гоголевская сваха и множество ролей в тогдашнем современном репертуаре — в пьесах Немировича-Данченко, Сумбатова, Шапжннского и т. д.

Замечательные простые женщины, купчихи, барыни — родственные по природе, они отличались разнообразием признаков внешних и внутренних сообразно среде и классу, к которому они принадлежали.

Будут, и даже непременно будут, большие таланты, но такого исполнения Островского не будет, так как

Пров Михайлович Садовский

Народный артист СССР, орденносец

Из воспоминаний о прошлом нашей семьи

I
МОЙ ДЕД

Я не могу сказать, что в своей семье я узнал много про деда—Прова Михайловича, но слышать о нем приходилось часто, главным образом, от знакомых, которые его знали, например, от Горбунова, одного из очень близких деду людей.

Дед был человеком, на первый взгляд, малообщительным, нелюдимым, всегда очень серьезным в жизни и на некоторых производившим даже впечатление строгого человека. На самом деле он был совсем не таков, когда он раскрывался, он становился буквально душой общества. Он был очень остроумен и в своем кругу общителен.

Относительно уклада жизни в семье деда я много слышал от моей матери—Ольги Осиповны. Когда она вышла замуж за моего отца—Михаила Провыча и поселилась в доме Садовских, она была поражена беспорядком, который там царил. Бабушка, которую дед очень любил, была красивая женщина, достаточно им избалованная, и, как говорили, имела страсть выпивать лишнее. Она не любила хозяйство. Вот почему дом был в таком беспорядке.

Попав в дом,—где, казалось бы, можно было шире и лучше устроить жизнь, так как дед много зарабатывал,—моя мать вынуждена была все взять на себя. Свекровь постоянно ворчала на нее, и Ольге Осиповне было очень тяжело. Вот тут-то Ольга Осиповна и узнала замечательный характер моего деда—Прова Михайловича. Не считая жену правой, он говорил: «прости ее, она ведь старый человек». Дед умирает в 1887 году.

Жили они попросту. У деда в старом доме в Мамоновском переулке не было даже парадного хода, было только «черное» крыльцо. Дед жил во втором этаже. Купил он этот дом, кажется, в 1847 году у танцовщика Литавкина (потом этот дедовский дом сгорел и на его месте моим отцом было построено каменный дом, который в 1920 году был разобран). Ход к деду был через кухню. Рассказывали, что царский адъютант, который приехал благодарить деда за чтение «Мертвых душ», скатился кубарем со скверной лестницы нашего дома.

Ездил дед в карете, карету эту я еще помню. Детми, на даче мы играли в сарде, где стояла эта карета.

Любил дед ездить также и на паре, в пристяжку. Лошадей звали «Кролик» и «Матвей».

Как-то странно, в моих воспоминаниях связывается карета и пара лошадей, на которой ездил дед, с оловянными тарелками и хаосом в доме!

Записок дедовских никаких не осталось. Письма, которые были у меня, не представляют большого интереса. У моего отца были письма к деду от генерала Ермолова, наместника Кавказа. Был у нас и портрет Ермолова с интересной надписью: «Пров Михайлович Садовский, желая надписи моей на портрете вызывает вопрос — зачем надобна ему мрачная фигура, когда превосходным искусством своим, различая между всеми удовольствиями, конечно, не встречает лица, иначе как веселого. Ермолов» (Ермолов жил тогда в почетной ссылке в Москве, на Тверском бульваре).

Деда застала моя старшая сестра, Елизавета Михайловна. По воспоминаниям, дед ее очень любил, часто брал на руки. Дед нюхал табак, и, когда брал маленькую Лизу на руки, табак сыпался на нее, а она горько плакала.

II
ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Я родился два года спустя после смерти деда.

Между мной и сестрой был еще брат Пров. Он умер очень рано, — совсем маленьким. Поэтому меня назвали Провом.

Я помню себя с трехлетнего возраста. Помню, как наверху у нас, на антресолях мы ципали из полотна корпии для перевязки раненых (это было во время турецкой войны).

Помню я нашу жизнь в Мамоновском переулке в одноэтажном с мезонином особняке зимой, а летом — на даче в Петровском парке, на Старой Башиловке. Петровский парк тогда был совсем не застроен. Наша дача имела большой участок земли с хорошим садом. На этом участке были две дачи — большую дед кушил, а вторую выстроил сам. Эта вторая дача сдавалась. Одним из первых жильцов этой дачи был известный писатель А. Ф. Писемский. Он жил там два года. В его письмах к французскому переводчику он просил корреспонденцию направлять по адресу — «Старая Башиловка, дача актера Садовского». Это было далеко за городом. От нынешней площади Маяковского начиналось шоссе, после Триумфальной арки был шоссейный, за ним шел большак, в три дороги до Петербурга. Это была пыльная в жару, чрезвычайно грязная осенью и зимой — проселочная дорога. Середина ее была обсажена деревьями.

Я вспоминаю: когда мне было года четыре, старый «Кролик» был еще жив, он жил в почете, лаясь в Башиловке и не работая. Когда мы жили на даче, моим любимым занятием было побегать к «Кролику» (который после еды лежал, отдыхал), изобрести на него верхом; тогда «Кролик», держа меня на спине, поднимался и снова начинал ципать траву. Однажды, взбравшись к «Кролику» на спину, я удивился тому, что он не поднимался. Вокруг него сидели мухи... «Кролик» был мертв. Это было мое первое детское горе...

Я хорошо помню А. Ф. Писемского. Этот известный всей России человек был моим первым учителем русского языка. Начал он меня учить на даче, когда мне было всего 4 года. Надо сказать, что преподаватель он был плохой и зачем меня отдали к нему в учение — осталось непонятным мне до сих пор. Я помню его полную, грузную фигуру, черные глаза, копну волос, раскрытую на груди рубашку. Он тяжело дышал, часто кашлял и даже стонал. Говорил он на «о» с крепким наметком на свое костромское происхождение. «На, читай ко-сь». Это «читай-ко-сь» я запомнил хорошо. Первая буква, которую я узнал, была буква «з». Азбуки он мне не давал, а показывал сразу буквы в тексте. Так как первой книгой, которую он мне показал, были «Записки охотника», то буква «з» и была первой, которую я узнал.

Вообще А. Ф. Писемский был очень оригинальным человеком. У отца есть рассказ «Высокое призвание», где он описывает потуги одного учителя написать драматическое произведение. Этот учитель ходит «по драматургам». Между прочим он попадает к Островскому. Хотя в рассказе не упоминается фамилия Островского, но описывается именно Александр Николаевич. К нему поехал учитель. На извозничьих санях сидела громадная фигура мужчины, а против него, лицом к нему, спиной к извозчику, стояла баба в платке. Мужчины в санях и был Писемский, который боялся ехать по Москве, чтобы оглобей его кто-нибудь не задел, и поэтому ставил на сани кухарку, которая размахивала кнутом.

П. М. Садовский - младший в роли Дубровина («Воевода»)

В театр в первый раз в жизни меня повезли, когда отец дебютировал в роли Хлестакова. Меня привезли в театр как талисман «на счастье». Усадили меня где-то в курилке на бархатный диван, спектакля я не смотрел. Курилка была под сценой. В этот день я видел там Кондратьева — помощника режиссера — и старого, дряхлого, седого человека, который подошел ко мне. Он спросил меня: «Как тебя зовут?» — «Провушка», — ответил я, насторожившись. «Ах, так это твой отец играет сегодня!» — сказал старик и стал меня дрязгать: «А ведь отец твой плохо играет». Я был маленький толстый, добродушный, но в конце концов, когда он в десятый раз сказал: «а ведь отец-то плохо играет» — я не выдержал и зло ответил: «А ты дурак!». Кондратьев, помню, тут же убежал, и у меня осталось впечатление, что старик страшно на меня рассердился. Впоследствии я узнал, что этот старик был знаменитый артист И. В. Самарин. Отца в тот вечер в Хлестакове я не видел.

Второй раз в театре я себя помню тоже за кулисами. Отец играл в пьесе «Ничий духом». Дебютировала Волгина. В момент, когда дали звонок, отец стоял на сцене и с кем-то разговаривал. Я крикнул: «папа, приехали» и чуть не выскочил на сцену.

Частые посещения театра создали в нас особое к нему отношение. Дома нами, детьми, устраивались вечера. Образовалось нечто похожее на свой детский театр. Старшая сестра Лиза была настоящей весталкой этого «храма», а же не отличалась особым к нему пристрастием, но находилась под влиянием Лизы. Она требовала, чтобы я относился к нашим начинаниям серьезно, но это ей не всегда удавалось. Я был больше увлечен то цирком, то спортом (позднее я был хорошим конькобежцем).

Были у нас и свои пьесы. Помню пьесу «Злоба дня» и лично мою пьесу «Малороссы» — здесь все было украдено у Гоголя. Лиза была у нас «драматическая актриса», а меня больше тянуло на комедию. Лиза же требовала драмы и отказывалась играть в «Малороссах», потому что это была комедия. Играли мы в комнате зимой и в саду на Башиловке — летом, на невозной горе, обросшей бузиной. Исполнялась нами и «спена у фонтана» (было мне тогда лет 10). Я играл Самозванца, Лиза — Марию, а Миша (брат) изображал фонтан.

Были у нас вечера с программой «выдумки» (нечто вроде «театра импровизации»). На одном из таких спектаклей «выдумок» произошел неприятный случай. Дело происходило в «храме», где «весталка» должна была поддерживать огонь. В канделябры был налит спирт, который воспламенился. Начала гореть гостиная. Я сорвал драпировки, и пожар удалось потушить. После этих «выдумок» был период, когда мы уже учили роли. Вспоминаю актера Н. О. Васильева, которого отец привел в Малый театр. Васильев был

очень беден, часто обедал у нас. Мы заставляли его играть с нами, на что он охотно соглашался. Помню, однажды Васильев играл Грозного, а Лиза — Василию. На Грозном была падета отцовский баранчиковая шапка. Отец и мать на этих спектаклях не бывали, так как мы устраивали их в те вечера, когда родители были заняты в театре. Обычно нашими зрителями была домашняя прислуга. У нас также за «актерами» презирали «кареты» — перевернутые стулья.

Все мы очень увлекались театром, но самой большой моей страстью был цирк. Эта моя страсть причиняла не мало огорчений моим родителям. В десятилетнем возрасте (был я тогда во втором классе реального училища Мазинга) я твердо решил сделаться цирковым артистом, и целую четверть учебного года, по секрету от всех домашних, вместо того, чтобы ходить в училище, посещал цирк, где меня обучали верховой езде. Это был цирк Никитина на Воздвиженке. Отца знали и ко мне там относились радушно. Но однажды на утреннем спектакле в цирке, когда я изображал генерала Гурко с наклеенными черными баками, я увидел в ложе директора реального училища Мазинга с семьей. Я до того испугался, что ускакал на своем пони за кулисы и после этого... бросил цирк. Никитин как-то сказал мне, что выучить меня ездить на лошади нельзя, так как меня нельзя бить. Это была правда. В цирке были тогда всех — и людей, и лошадей, и собак.

В нашем доме бывали почти все видные актеры того времени. Суббота был свободный день в императорских театрах, и в этот день не играли. По субботам у нас были постоянно гости. Селжались их настолько много, что играли в винт 2—3 стола. Потом селились ужинать. В числе гостей бывали и актеры Малого театра — Ленский, Южин, Макшеев, Музиль, Правдин и др. Мы, дети, показывали им свое «искусство».

Когда мне исполнилось 11 лет, наш детский «театр» стал переставать в нечто более серьезное. В особенности после того, как в нем начал принимать участие отец. Вспоминаю один эпизод из этого периода. На второй даче (которая сдавалась) на балконе была устроена сцена, зрители сидели в саду. Была куплена лампа, которая стояла внизу и освещала сцену, оборудованную помощником декоратора Малого театра Галкиным. Это был спектакль с главными действующими лицами из нашей семьи. Им руководил отец. Принимали участие в спектакле также и некоторые из наших знакомых. Шли у нас три вещи: «Новички в любви», «Воздушные замки» и «Который из двух». В «Воздушном замке» я играл слугу.

Эти же спектакли мы повторяли и зимой в нашем городском доме. Затем мы играли отцовскую пьесу: «Душа — потемки», уже не с одними детьми. Мне было тогда лет 13—14. Пьеса была поставлена в бывшем императорском Петровском театре (находившемся на месте нынешнего стадиона «Динамо»). Театр этот был закрытый. Дворовое ведомство разрешило нам сыграть там спектакль.

В этом помещении играли мы также и вторую пьесу отца «В мире, что в море». Зрителями были наши знакомые. Потом этот спектакль мы повторяли для публики с благотворительной целью. Играли мы еще и другие пьесы, например «Ненастье» Гнедича.

Вспоминаю также любительский спектакль, организованный нами в театре Немчинова.

Вне нашего «театра» мне впервые пришлось выступать на Пушкинском вечере в реальном училище Мазинга,

где и читал запрещенное для публичного исполнения стихотворение «Анри Шенье».

Таким в общем было наше детство. Была любящая мать, прекрасный отец.

III
МОЯ МАТЬ

Мать в нашей жизни была для нас всем. И не только в детстве. Я удивлялся, как этот человек мог со всем в жизни управиться и как она могла замечательно делать все — начиная от своей творческой жизни в театре и кончая домашним хозяйством: детей воспитывать (восьмерых!), одевать, кормить их. Ведь все это было на ней. Она вела хозяйство нашего большого дома. Все жалобы, детские обиды, недоразумения в семье и вне семьи и в школе (а у нас их было немало) разрешались ею. Мать была человеком исключительной доброты и мягкости.

Все окружающие говорили о замечательном сценическом таланте Ольги Осиповны, о ее прекрасном актерском даровании. Но для нас, детей, ее облик дополнялся стороной, недоступной театральному зрителю, стороной, делавшей весь образ еще более обаятельным и волнующим.

IV
ОТЕЦ

Влияние отца на меня было очень большим. В моем сыновнем чувстве в большой доле было уважение к отцу, как к человеку.

Он был очень образован, владел несколькими языками, много занимался переводами, писал песни, и, кажется, достаточно насолдил своими эпиграммами и острыми шутками театральному начальству. Будь у него более покладистый характер, умей он приспособиться к затхлой, казенной обстановке театра, — и ему, и Ольге Осиповне, и всем нам жилось бы в Малом театре куда вольготнее.

Облеизвестна большая и теплая дружба между Михаилом Провычем и А. Н. Островским, которого очень любил в нашей семье.

...Отец был чутким человеком. Много мудрых советов давал он мне на протяжении своей жизни.

Отец не думал, что по окончании реального училища я пойду на сцену. До последних лет пребывания в реальном училище я колебался в выборе профессии. Я мечтал (увидев море в Одессе, во время гастрольной поездки Малого театра, когда меня родители взяли с собой) стать моряком. Отец был очень удивлен, когда однажды я сказал ему, что твердо решил поступить в театральное училище. Он ответил, глядя на меня через очки: «Ну и чорт с тобой!» Но это «чорт с тобой» было сказано так тепло и с таким волнением, что для меня оно прозвучало как бы родительским благословением...

Когда мне было 17 лет, я был принят в театральное училище при Малом театре. Дальнейшие годы моей жизни — в школе и Малом театре, которому я отдал беспрерывно 44 года — прошли у многих на виду. Писать об этих годах хочется отдельно. Много за эти годы было и тяжелого и радостного.

Малый театр пережил второе свое рождение в октябре 1917 года. За годы революции до неузнаваемости изменилось лицо театра. Казенный императорский Малый театр умер, но живы в нем традиции сценической правды, завещанные ему его славными предками. Прекрасный коллектив Малого театра со своими замечательными артистами и талантливой молодежью смело и радостно шагает к вершинам социалистического реализма.

О. О. Садовская, Д. В. Живонина и М. П. Садовский («Ревизор»).

Дом Садовских в Мамоновском переулке в Москве.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПРОПАГАНДИСТЫ ВЕЛИКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДРАМАТУРГА

Садовские и А. Н. Островский

Творчество Прова Садовского неразрывно связано с творчеством Островского. Великий актер в произведениях Островского нашел благодарный материал, который помог формированию его самобытного дарования. Зная изображаемую Островским среду так же хорошо, как знал ее драматург, Садовский в его пьесах создал ярчайшие типы, обесмертившие и его имя, и имя Островского. Умея «слышать» жизнь так же чутко, как «слышал» ее Островский, Садовский первый нашел для нее соответствующее звучание, чем положил основу культуре сценической речи, так отличающей актера русского театра от мастеров театра западно-европейского. Восприимчивая окружающую действительность так же, как и Остров-

ский, Островский, который, коснувшись игры артистов Московского Малого и Александринского театров, применил образное сравнение:

— Представьте себе, — сказала он, — грустную миллионершу, которая за карточным столом водит крупную игру, швыряя груды золота, а в углу дегинки, вооружась подобранными из-под стола картами, воображают себя тоже играющими всерьез («Памяти А. Н. Островского», изд. 1923 г., стр. 108).

Садовский был чуть ли не единственным актером, который, прочитав «Банкрота» Островского, сумел понять огромную значимость молодого драматурга, которого он тут же начинает пропагандировать, читая бесчисленное число раз эту пьесу в различных московских домах. Когда же цензура запрещает эту первую значительную комедию Островского для представления, то Садовский выступает в ней на любительской сцене, играя Большова (Подхалюзина исполнял сам Островский). Не будет ошибочным предположение о том, что в этой дружеской поддержке Садовского молодой драматург получил стимул для дальнейшего творчества.

Увлеченный Островским, Садовский сумел увлечь его творчеством и актеров Малого театра, и первая пьеса Островского, поставленная на сцене, — «Не в свои сани не садись», — была дана в бенефис Л. П. Никулиной-Косицкой, несомненно, под влиянием Садовского рискнувшей выбрать для своих театральных именин произведение писателя, находившегося «под надзором полиции». Начиная с этого спектакля, каждый год по одной — иногда и по две пьесы Островского ставит Малый театр, и Пров Садовский до своей смерти выступает во всех пьесах своего любимого драматурга (лишь в «За чем пойдешь, то и найдешь» и в «Бешеных деньгах», где для него не было ролей, он не играл). Он создает замечательные образы, утверждавшие драматургию Островского, и устанавливает каноны их интерпретации.

При этом нельзя забывать того, что прохождение на сцену пьес Островского сопровождалось рядом препятствий. Нужно было Садовскому и отдельным актерам, постепенно начинавшим — и, конечно, не без влияния личности и творчества Садовского — ценить драматургию Островского, понимать подлинную художественную значимость, чтобы из сезона в сезон для своих бенефисов выбирать его пьесы.

Руководство театра не признавало Островского, возмущаясь тем, что с его приходом «сцена пропахла дублеными полшубками и дегтем смазных сапогов»; влиятельнейшие актеры, воспитанные на ином репертуаре, противодействовали постановкам его пьес, возмущаясь их «натурализмом», «грязью» и изображением в них — по высказыванию П. Каратыгина — «торговых бань».

После огромного успеха «Бедности не порок» и Садовского в роли Любима Торцова поднялись горячие споры журналов того времени, отображавших взгляды славянофилов и западников. За кулисами Малого театра резко обозначились два лагеря — во главе одного из них стоял Садовский, убежденный пропагандист Островского, во главе другого — Шепкин, не сумевший понять подлинную ценность «нового слова», сказанного Островским в драматургии и Садовским в сценическом искусстве. Шумский, занимавший уже тогда видное место в театре, открыто заявлял, что «вывести актера в поддевке да в смазных сапогах — не значит сказать новое слово», на что Садовский с присущей ему язвительностью говорил: «Ну, положим, Михаил Семенович может дурить

В. А. Филиппов

на старости лет: он — западник, его Грановский насматривает, а какой же Шумский западник?» Остроты и шутки, злые прозвища (так, А. Т. Сабурова пустила в оборот для «западников» кличку «хлысты»), горячие споры и негодующие письма (например, письмо Щепкина к Галахову по поводу приговора Островскому премии за «Грозу») не мешали Садовскому продолжать с упорством ставить пьесы Островского и шаг за шагом «переводить в свою веру» товарищей по работе. Небольшой вначале кружок ценителей Островского — здесь кроме Садовского были Л. П. Косицкая, Сергей и Екатерина

М. П. Садовский в роли Тихона («Гроза».)

Васильевы, П. Степанов — постепенно расширялся, и впоследствии С. В. Шумский дал ряд крупнейших созданий в пьесах Островского, и И. В. Самарин благодарил драматурга за роли, которые тот ему назначал, а сам Шепкин, сыгравший Коршунова, писал, что «потребность души» стало для него испытывать свои силы в Любиме Торцове (что он блестяще и осуществляет сначала на гастролях в Нижнем, а потом и в Москве).

На знаменитом обеде, данном Шепкину по случаю его отъезда за границу в 1853 г., Погодин в присутствии Островского и Садовского указал, как на общезвестный факт, что «Садовский своей простотой, своей натурой, даже своей особой» влиял на Островского, и это является бесспорным. Помимо общности взглядов на театр, их связывала и долготелая дружба. Познакомившись на «теплых водах» (как называл Садовский трактир Гурьева около университета) еще до того, как Островский написал «Банкрота», будущий знаменитый драматург и знаменитый воплотитель его образов постоянно бывали друг у друга. Их связывала любовь к быту, правам, старине, их объединяла любовь к русскому народу, умение ценить красоты и русской речи, и русской песни. В стихотворении, посвященном Алмазову Прову Михайловичу («Гос. Центр. Театральн. Музей», архив № 1258), находим следующие строки:

И ты слился душой с народом
воедино,
Родную старину с любовью воплощал,
Всем сердцем, всей душой любил
простолудина,
И сердце русское узнал и разгадал.

Несомненно, что эти слова в полной мере могут быть отнесены к Островскому; несомненно и то, что реалистические тенденции драматурга и актера не могли не сблизить их. И даже, когда между ними возникли «неудовольствия» (по выражению Островского), заставившие их перестать быть друг у друга, Садовский продолжает играть во всех новых пьесах Островского, который, конечно, его имеет в виду, когда создает в них определенные образы¹).

И в артистическом кружке — этом любимом детище Островского — Садовский был активным участником. Садовский до конца своей жизни продолжал ценить Островского, — это можно видеть из его письма к драматургу 1870 г., в котором находим следующие строки: «с неописанным наслаждением прочитал я Ваше новое произведение «Лес». Вижу, что гений творчества не стареет и не умирает...», и тут же добавляет о «душевном расположении», «какоево мне к Вам несколько и никогда не уменьшалось, несмотря на то, что житейские дрязги лишали нас возможности видаться, как в былые времена» («Гос. Центр. Театральн. Музей», Архив № 5645).

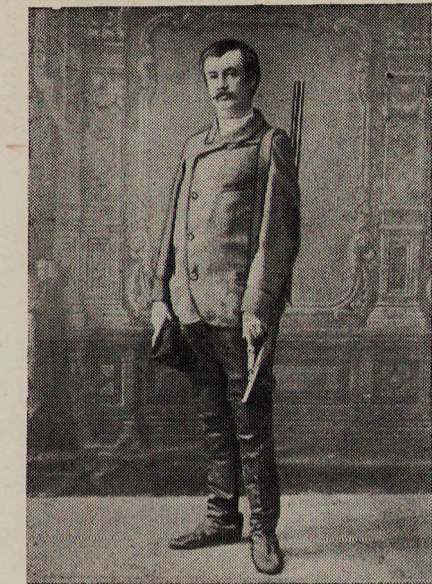
Близость и дружба Островского с Михаилом Провычем и его женой Ольгой Осиповной, которой Островский посвятил пьесу «Таланты и поклонники», ясно показывают, что «расхождение» между драматургом и знаменитым воплотителем его образов действительно имело место из-за «житейских дрязг». И два великих в истории театра имени Островского и Садовского в памяти потомства останутся навсегда неразрывно связанными.

Не только с именем родоначальника славной семьи Садовских связано имя Островского. Еще при своей жизни он был обязан Михаилу Провычу и Ольге

¹ Небезынтересно расшифровать эти «неудовольствия». В находящейся сейчас в печати работе С. К. Шамбинаго «Пров Михайлович Садовский» (в сборнике «Семья Садовских», издаваемом под моей редакцией РГО) он высказал предположение о том, что Садовский не мог простить своему другу разлады его с первой женой Агафьей Ивановной, ее смерти, вызванной сближением Островского с М. В. Васильевой. Имеющиеся у меня материалы и свидетельства современников подтверждают эту гипотезу.

М. П. Садовский и К. Н. Рыбаков

М. П. Садовский в роли Мурзавецкого («Волки и овцы».)

ский, великий реалист Садовский нашел нужные краски для полноценного ее раскрытия в созданных им сценических образах. Не будь Островского, Садовский не стал бы тем огромным художником, каким его имя вошло в историю русского театра: как отмечали современники, «колоссальный талант Садовского после исполнения им купца Русакова в «Не в свои сани не садись» Островского вырос во всю меру». И, несомненно, лишь на материале пьес великого драматурга мастерство Садовского поднялось до подлинного реализма, который, по классической формуле Энгельса, дает «верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах». Вот почему Садовский по праву признается одним из основоположников русского реалистического актерского мастерства.

Также бесспорно и то, что Островский, больше чем кому-либо, обязан Садовскому, и, не будь Садовского, пьесы Островского еще долгие годы могли не увидеть света рампы, а если бы они и были поставлены на сцене, то могли бы не получить столь полноценного раскрытия, которое они получили в Малом театре благодаря Садовскому. Ведь не случайно, что в Александринском театре даже его замечательные мастера далеко не все и далеко не сразу сумели найти нужные приемы для воплощения образов пьес великого драматурга. Недаром гастроли Садовского в Петербурге впервые открыли и публике и актерам «неожиданность смысла» «знакомой всем роли» Любима Торцова («Русская мысль», 1897 г., № 5 — воспоминания С. В. Максимова) и заставили отнестись к произведениям Островского иначе, чем это было до появления на петербургской сцене московского актера. Прав

Из неопубликованной переписки Прова Михайловича Садовского

Письмо Прова Михайловича Садовского к Александру Александровичу Стаховичу.

18 декабря [1856 г.].

Милый Саша!

По просьбе твоей, — спешу тебя уведомить о повторении моего бенефиса! Театр был, — полон, после 2-го акта всех нас вызвали, — комедия шла точно также как и в 1-й раз. Изба прошла на славу, — все песни повторяли.

Какие дела в Петербурге! т. е. какие разговоры на счет нашего брата напиши пожалуйста!

Чтож еще тебе написать? Право не придумаю. Все мы слава богу здоровы и тебе все кланяются; желаю и тебе тоже быть здоровым и таким же весе-

лым каким ты был и с нами. Засвидетельствуй мое нижайшее почтение твоей супруге, и деточек поцелуй!

Поклонись Писемскому² и Дружинину³ и всем кто меня хоть сколько-нибудь знает, или по крайней мере помнит. (Купил Еленкой Груни билет

★ ★ ★
Примечания: Адресат П. М. Садовского — А. А. Стахович — известный книгоиздатель, отец Мих. А. Стаховича (ум. 1858 г.), автора популярной в свое время сцены из народного быта «Ночное» и члена кружка «Молодой редакции Москвитина».

1. П. М. Садовский имеет в виду близость А. А. Стаховича ко дворцу, в ведении которого находился Малый театр и где А. А. занимал должность шталмейстера.

в театр, хотели прислать и не прислали, так билет и пропал).

Истинно любящий тебя П. Садовский.

На обороте письма:
В С. Петербург
Его Высокоблагородию
Александру Александровичу
Стаховичу
В Грязной, в доме графа Толстого.

2. Писемский Алексей Феофилактович (1820—1881) — известный писатель, член кружка А. Н. Островского, друг П. М. Садовского.

3. Дружинин Александр Васильевич (1824—1864) — известный критик и беллетрист. Долгие годы работал в «Современнике» Н. А. Некрасова. Как беллетрист дебютировал повестью «Польняк Сакс», имевшей исключительный успех.

В. М.

ВЕЛИКАЯ АРТИСТКА

На имени Ольги Осиповны Садовской, как на народном имени великого художника правды, сходились представители всех русских театральных течений последних семидесяти лет. Для Ермоловой и Ленского, этих лучших представителей «Дома Щепкина», имя Садовской было столь же великим именем, как для таких строителей нового театра, как Чехов и Станиславский. Если А. П. Ленский, по его собственным словам, в Садовской видел такую же великую музу комедии, как в Ермоловой—музу трагедии, то К. С. Станиславский называл Садовскую драгоценным алмазом русского театра, самоограничившим себя до бриллианта редкой чистоты и солнечной игры.

О. О. Садовская в роли няньки Невдиги («Воевода»)

Ставя сам своего «Воеводу» (во второй редакции) в 1886 году, в Малом театре, Островский дал О. О. Садовской две роли—одну высоко комическую: старой-престарелой нянюшки Невдиги, охотницы до теплой перины и пышной кулебяки, другую—драматическую роль «старой крестьянки», баюкающей нищего внука в лубяной колыбели. В труппе Малого театра было несколько артисток, которые могли бы притязать на одну из этих ролей, но Островский как бы хотел показать всем всю разносторонность великого дарования Садовской и дал ей обе роли. Островский оказался прав: чтобы судить о даровании Садовской, достаточно вспомнить ее в этих двух контрастных образах в одной и той же пьесе.

Во втором действии нянюшка Невдига—Ольга Осиповна—сказывала сумеречную сказку в тереме, сама засыпая под свое сказывание, в четвертом действии она, старуха-крестьянка, пела над люлькой внука. В этом только заключались ее роли: в сказке и в песне. Но что это были за сказка и песня? Прабабушка пушкинской Арины Родионовны вставала перед нами живая, седа, шопотливая, мамушка XVII века, точь в точь такая, какаля вынылила целые роды русских людей всякого чина и звания. Необычайным добродушием, смешливостью недалеко вела от этой нянюшки—и смешно до слез, и радостно до смеха! Слушая нянюшку—Садовскую, верилось в домовых и в то, что

«круг тебя как точно кто мурлычит», —

слышалось невидимое мурлыканье дремы и сна. Восставал исторический образ: образ русской няни, выныльчившей все большее и малое в старой Руси и России—от стрелецкого сынка до Александра Сергеевича Пушкина, — более того: восставал образ русской сказки, сумеречной — и длинной, длинной!

Но тем поразительнее было превращение, которое ждало зрителя в следующем акте, в крестьянской курной избе на Волге. Внешний облик Садовской мало менялся—только пестрый шумун сменялся запыленным сарафаном. Но что за звуки доносились от убогой колыбели, которую в полумраке, уныло качала старуха-крестьянка!

«Баю-баю, мил-внученок! Ты спи-усни, крестьянский сын! Нас бог забыл, царь не милует, Люди бросили, людям отдали, Нам во людях жить, на людей служить, На людей—людям приноравливать!»

Садовская только пела и качала колыбель,—пела старушечьим, унылым голосом, но в ее голосе, в хвитающем за душу покорном пении ее песни было что-то до того трагическое, и вместе с тем простое, несомненно правдивое, что, казалось, в этой люльке лежит не «мил-внученочек», «крестьянский сын», а вся Русь крепостная, крестьянская, холоцкая, и это над ней, покорной, надрывается от непосильного горя, поет не колыбельную, а надгробную песню старая крестьянская мать, многострадальная мать. В этой песне, в ее потрясающих звуках, Садовская являлась великой трагической артисткой. Старуха-крестьянка засыпала над люлькой под замирающие, как непосильный, глухнущий стон, звуки:

«Ты спи, поколь изживем беду, Изживем беду, пронесет грозу, Пронесет грозу, горе минется, Поколь бог простит, царь сжалится». Это была совсем другая дрема, чем покойная, сладкая дрема сытой боярской няни. Это была голодная дрема, которая заменяет и еду и питье; это была страшная дрема старой холощей, крепостной Руси.

Но вот подходит воевода к колыбели и пытается у старухи: — Ты ворожишь, старуха? — Нет, боярин, И ворожить-то не о чем. Мы бога И так прогневали,—

ответчает с твердостью старуха, и великий, выношенный страданьем, закал чувствовался у Садовской в этой отповеди: — А вам, боярин, Без ворожбы спола горя живется. Суровая и спокойная в твердые своей правды, которой не страшны никакие воеводы, заступала она путь воеводе, заграждая собою колыбель, и говорила:

«Ты отойди, здесь ангельское место».

Действие, производимое Садовской на зрителя,—нет, это слово неверно: на свидетеля ее крепостной скорби,—было неотразимо. «Александр Николаевич,—вспоминает секретарь Островского Кропачев,—не мог забыть, как на одной из репетиций какой-то артист, прислонившись к кулисе, чуть не рыдал, слушая

П. М. Садовский-младший в роли короля Карла («Кромвель»)

исполнение О. О. Садовской, в роли старухи, хватавшей за душу».

Островский знал, что делал, когда обе эти параллельные роли давал одной и той же артистке, отнимая от других актрис того же амбула. Он понимал, что Садовская донесет эти две женские роли, как исторические образы, которые встанут, как из чугуна отлитые.

То, что создавала О. О. Садовская в этих двух маленьких, вполне эпизодических ролях в одной пьесе, но силами было только великой артистке, которой доступна вся правда жизни во всей ее целостности. Кто размежует трагическое и комическое, бытовое и лирическое, психологическое и характерное в ее великом даровании?

Сделать это так же невозможно, как провести соответственные межи в даровании великого Прова Садовского.

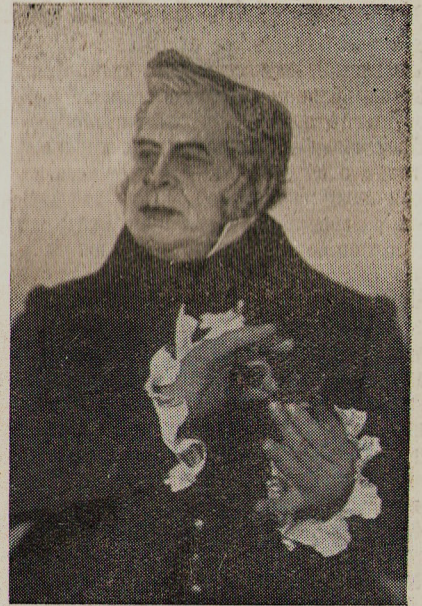
С. НИКОЛАЕВ.

П. М. Садовский-младший в роли Чацкого («Горе от ума»)

П. М. Садовский-младший в роли Кошкина («Любовь Яровая»)

П. М. Садовский-младший в роли Фамусова («Горе от ума» — постановка 1938 года).

ПРАЗДНИК РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

С. АЛЕКСЕЕВ

Заслуженный артист РСФСР

Творческая жизнь актерской династии Садовских — блестящая глава в истории развития русского театрального искусства. Славное имя Садовских неотделимо от того громадного явления в истории русского искусства, каким является старейший, Малый, ныне орден Ленина академический театр. Династия Садовских в театре — это блестящий путь реалистических мастеров театрального искусства, создавших и утвердивших вместе с Щепкиным, Шумским, Самойловым, Ленским, Ермоловой, Федотовой, Никулиной, Южиным и другими реалистические основы великого русского театра. Имя Садовских на русской сцене — синоним сценической правды, виртуозного актерского мастерства, ортодоксальности русской речи.

Крупнейшие филологи Московского университета прошлого века проверяли себя в утверждениях «правильности русской речи на сценических творениях Садовских. Наконец, пожалуй, ни одно актерское имя, не связано так тесно, органично и неразрывно с именем драматурга, как имя Садовских с именем блестящего представителя русской национальной классической драматургии — с А. Н. Островским. Теснейшее творческое содружество, большая личная дружба, взаимное знание и понимание друг друга способствовали созданию великих произведений драматургии и их сценической интерпретации. Литературные образы, созданные Островским, и их сценическая редакция Садовских есть одно неразрывное целое, представляющее для нас не только самоудовлетворяющий интерес, но и являющееся вечным образцом творческого содружества на театральной сцене драматурга и актера — истолкователя авторского образа.

Великие живые традиции реалистической школы Малого театра, которыми гордится советское актерство, которые изучает и осваивает наше актерское поколение, в значительной своей части созданы славной актерской династией Садовских.

Садовские — подлинно народные артисты русского театра. Они умели в своем творчестве обобщить и раскрыть подлинно народные черты русского театрального искусства — от глубокого острого русского народного юмора комедии до большого героического пафоса русской народной драмы.

Значение династии Садовских не только в сверкающих талантах актерского мастерства ее представителей, ее значение в громадной роли, которую сыграла эта великая семья в истории развития русской национальной культуры.

Вот почему изучение мастерства родоначальника семьи Садовских — Прова Михайловича (деда) и представителей последующих двух его поколений является бесспорной задачей громадной семьи советских актеров, вооруженных великим учением Ленина — Сталина, воспитанных коммунистической партией на уважении к великим достижениям человечества, его многовековой культуры.

Вот почему советское правительство, великая партия Ленина—Сталина, добившись громадных успехов на фрон-

те молодой советской культуры, любовно оберегая лучшие образцы, созданные человеческим гением на протяжении его многовековой истории, отмечает столетие творческой жизни прекрасной актерской семьи.

Вот почему советский народ, любящий и высоко ценящий лучшее в нашем искусстве, радостно приветствует 100-летнюю годовщину рода Садовских, вот почему он чувствует представителя великого актерского рода, ныне здравствующего народного артиста СССР орденоносца Прова Михайловича Садовского (внука).

Последняя работа Прова Михайловича — режиссерское и актерское участие в постановке этого сезона «Горе от ума» Грибоедова.

Пров Михайлович является постановщиком и одним из режиссеров этого спектакля, а также одним из исполнителей роли Фамусова. Как та, так и другая работа свидетельствуют не только о талантливости и прекрасном мастерстве представителя третьего поколения великой семьи, — они являются

Е. М. Садовская в роли Ленчицной («Бойцы»)

яркой иллюстрацией верности Садовских реалистической школе актерского мастерства Малого театра, их отношения к незыблемости авторских характеристик и лучшим традициям дома Щепкина.

На протяжении всей работы над «Горе от ума» Пров Михайлович был верен Грибоедову.

С первой же моей встречи с ним в беседе о постановке «Горе от ума» я постоянно слышал от него о желании сохранить чистоту грибоедовского истолкования образов бессмертной комедии.

Пров Михайлович стремился быть верным Грибоедову во всем. Всяческая театральная традиция в раскрытии образов подвергалась проверке под углом зрения полного соответствия грибоедовскому тексту. Те «традиционные» искажения которые дожились печатью неправды на некоторые образы комедии (особенно Софьи, Молчалина, Скалозу-

ба и Хлестовой), подвергались осуждению, и образы, очищаясь от ракушек времени и театральных ухищрений всяческих «новаторов», возвращались к своим первоисточникам.

Творческое уважение к автору, глубокая принципиальность в раскрытии классического произведения—черты, говорящие о том, что Пров Михайлович—верный представитель великой семьи, последовательный продолжатель театральных традиций своего деда, отца и матери.

В работе над «Горе от ума» Пров Михайлович ярко выявил и другую черту отношения Садовских к актерскому творчеству. Я имею в виду бережное отношение к тексту и стремление к сохранению правильной чистой русской речи, активным поборником которой на сцене Малого театра Пров Михайлович является на протяжении всей своей жизни. Правильная чистка стиха, верное произношение слова, бережное отношение к авторскому тексту, четкое ударение в речи, — вот объект постоянных забот Прова Михайловича. В работу с актером Пров Михайлович принес свой громадный актерский опыт и лучшие традиции Малого театра, усвоенные им от мастеров Малого театра прошлого и начала нынешнего века.

Большим творческим испытанием для Прова Михайловича явилась роль Фамусова. На протяжении всей актерской жизни он в подавляющем большинстве исполнял роли героического плана. В «Горе от ума», пожалуй, впервые ему пришлось играть комедийную характерную роль. Он прекрасно справился со своей задачей, много работая над образом Фамусова. Хочется снова обратить внимание нашей актерской молодежи на пример работы Прова Михайловича, как впрочем и других представителей старейшего актерского поколения Малого театра, постоянно приходящих на репетиции вооруженными не только знанием текста, но и глубоко овладевшими образом, рассматривающими репетицию, как возможность проверки под руководством режиссера наработанного дома.

Пров Михайлович несет традицию замечательного отношения к актерскому творчеству во всей своей актерской практике. Он дорабатывает роль Фамусова в спектаклях, стремясь найти новые краски для характеристики замечательного грибоедовского образа, все больше и больше привнося в раскрытый им характер типичный для Фамусова юмор и все больше овладевая комедийными положениями — краски достаточно далекие ему по его прежнему героическому репертуару (в частности, в «Горе от ума» на протяжении нескольких десятков лет Пров Михайлович играл Чацкого).

В дни славной годовщины хочется пожелать Прову Михайловичу здоровья и новых творческих успехов, а коллективу Малого театра — глубоко изучить творческую жизнь прекрасной династии Садовских и овладеть высотами актерского мастерства — корифеев великого русского национального Малого театра.

Рассказы Прова Садовского

Блестящий, первоклассный актер Пров Садовский был также выдающимся чтецом. Его поездки с Островским по московским салонам, журфиксам и кружкам и чтение с ним по очереди «Ванюшата» («Свои люди сочтемся»), когда эта пьеса не разрешалась тогдашней цензурой к исполнению на сцене, описаны и у Н. П. Барсукова в «Жизни и трудах М. П. Ногодина» и в других воспоминаниях про то время.

Но, помимо провинциальной Островского, знаменитый актер читал сочинения и других авторов. Так, в своих гастрольных поездках по России он выступал часто с «Повестью о капитане Копейкине» из «Мертвых душ» и всюду производил фурор.

Не довольствуясь этим, он, сначала в дружеском кружке редакции «Молодого Москвитина», а потом и в других кружках, начал выступать рассказчиком собственных юмористических произведений. Эти выступления имели такой выдающийся успех, что появился целый ряд подражателей и последователей создания такого рода литературы, из которых впоследствии особенно выделились Иван Федорович Горбунов и Павел Исавич Вейнберг, оставившие после себя множество таких рассказов.

Но сам Пров Михайлович своих рассказов не записывал, он их импровизировал и каждый раз с каким-нибудь новым вариантом. Известны следующие его рассказы: 1) «Рассказ купца о том, как в бозе почивающий государь император Александр Павлович, по совету Агличанина, отправил Наполеона на такой остров, на котором ни земли, ни воды, одна зыбь небесная», 2) «Гарibaldi», 3) «Рассказ татарина», 4) «Встреча двух приятелей», 5) «Складчина на ложу», 6) драма «Честь или смерть» и 7) «О французской революции 1848 года».

Последний рассказ и приводится здесь.

РАССКАЗ КУПЦА О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

Жалостное дело, Иван Парамонович, и, примерно сказать, самое невероятное: иже на сердце человеку не взыде, вочью свершается. Небось вы и слушать не хотите, а послушать можно, и с позволения сказать, поучиться: яко всяк человек суета и сено сельное, еже заутро в печь вметается. И начинаю я, еже от начала, как всяким художествам преданный народ Франции, не усматривая единомыслия в выборном деле, учинил промеж себя соглашение: как бы то-есть, перепрокинуть установленный порядок,—да и где же им соблюдать установленный порядок? Так, аль нет, Иван Парамонович? По нашему расположению — так, а до ихнему — самый то порядок дело неподходящее. И, чтобы это все добрым порядком порешить, собрали банкетик или т. е. вечеринку. На это господа министра и рассуждают, как бы такому неустройству препятствие положить. Доложили королевскому величеству, что так мол и так, надо мол запрет исполнить. На эту самую оказию и собрали перед иностранной министершей множество много, примерно сказать, полицейских. (Уж не в домек сказать, такие ли у них полицейские, как у нас случаются?). Настоящее дело-с. Сволочь-то и соберись туда же, и пошло у них в рукопашную! Тут же, с позволения Вашего сказать, иной не захотел при себе вооружение

иметь и лишению великих членов подвергаться.— «Мы-де не хотим своих бить, они-де мол такого же роду и такого же»; вестимо, что такие же бездомные и праздничатые. И пропал, примерно, и побили тут, как должно, войско королевское, яко множество злобы превозможе! И видит Людвиг Филиппович, человек ума палатного, что обороняться лишн не подходить; и вывизи с собою суружницу да есирана совестливых, Демина да Ююина, и, севши на вощица, совершил бегствие, к приморью, сиречь к Агличанам. Углядь, с берега (как и мы-с в ростопель с Каменного на реку посматриваем), а на волнах беда неминуха, расхолодилось море глубокое, ветром, яко пыль, возметаемое! Ну, ваше королевское величество, делать нечего-с, пройдитесь-ка по дальше по бережку, оно невзначай и наткнетесь на кораблик. И вот-с, ходимши по пустополю, дошли-с до мельницы; тут-с Людвиг Филиппович, сбормил бакенбарцы, надемши блузию и семши на так называемую перошкафку, плавание предпринял. Так, только к слову сказать, будто Людвиг Филиппович путем-дорогой, поговаривал: «как Карлу? Как Карлу?» и должно разумение учинить, что был какой ни на ести Карла, проптрафился и емв абшид дали из придворной службцы; а уж только к этому ли рассуждению клонилась, я заверять не могу; а это больше в рассуждении к догадливости нащей. Так, Иван Парамонович, как королевская-то особа по бережку в блузии прохаживался и, так сказать, как и наш

брат простой человек, у моря погоди дождался; и как пискаго он прохаживал себя не имел, так и в жалость кидало. Он и скакивал: «кабы еще денек другой, не нашлось средствца перебрану иметь, то хоть народу-то беснутому Париланскому и руки отдаться.— Вот он, Людвиг Филиппович и пересекал, как следственно, в Англию, говорит—в гостиницу, а оно, по-просту сказать, постояльщина. В те поры ему народ Агличанский хотел почесть разную оказать и всякое усердие изобразить; только он им и говорит: «Я-де, мол, продрог и из сил выбылся; вы бы мне лучше постелю, а почестев не надоть; дайте постелю». Оно аккуртнее усталому человеку. Дали ему постелю, обогрели Людвиг Филипповича; а на утрие с хлебом и солью отпустили во град, нарицаемый Лондон; и приняла его государыня того града Лондона ласково и сожалеательно. И живет он там, коли не прилеванчи, так отдыхачи после странствия и властвования в стороне неверующей и разумению не преданной. Да еще повещу вам про господина иностранного министра, что и он прибыл к Агличанам и только малую портфельку уберег; с нею вот и шатается, сердечный, а народ-то на него, чай, глядит да посмеивается.— Жалостное дело, Иван Парамонович, очень жалостное!... Так, али нет-с?...

16 марта 1848 года.

Этот вариант был помещен Михаилом Провычем Садовским во 2-ой тетради 1-го тома «Русского Архива» за 1873 год.

М. П. Садовский, Н. А. Александров и А. П. Ленский (шуточный снимок).

АРТИСТ-ПИСАТЕЛЬ

В историю русской культуры Михаил Провыч Садовский входит не только как замечательный мастер сцени, создатель целой галереи, никем не превзойденных образов, но и как драматург и переводчик.

Но не своей драмой, не своими переводами, несмотря на все их высокое мастерство, создал себе Михаил Провыч известность, как писатель. Эту известность принесли ему его рассказы, которые он от времени до времени помещал на страницах журналов «Артист», «Русский вестник» и «Русское обозрение».

Собранные и изданные в 1899 году редакцией журнала «Русский вестник», они вскоре же стали библиографической редкостью.

Мало кто знает, что М. П. Садовский был ярким и острым эпиграмматистом, скрывавшимся под псевдонимом — Хемницер 2.

Его стихотворные экспромты, шуточные стихотворения и эпиграммы (за единственным исключением), нигде никогда не печатавшиеся, известны лишь очень ограниченному кругу людей. Многие из этой сокровищницы погибли безвозвратно, но многое, к счастью, сохранилось в изустной передаче и в письмах.

Блестящий мастер эпистолярного стиля, М. П. Садовский часто превращал свои письма в стихотворные экспромты. Вот одно из таких писем — ответ А. И. Южину, которого автор тщетно ждал в заранее условленном месте:

«Ох, уж эти мне знатные бары!»,
«Два часа одного дождался в Базаре,
Но увы! — не дождался повесу
Ну и чорт с ним совсем!.. Жду
писесу.
Хемницер 2».

А. И. Южину, спрашивавшему совета относительно выбора стихотворений Н. Ф. Щербина для концертного исполнения, М. П. Садовский отвечал:

«Господину члену Бюро похоронных процессий,

В просторечии называемого
«обществом любителей
Российской словесности»,

Его сиятельству
Князю Александру Ивановичу
Сумбатову

От чистильщика при том же «Бюро» — Михаила Садовского, московского мещанина и литератора.

Ты осужден по воле злой судьбыны
Читать творения Щербина¹⁾,
Но в выборе, почтеннейший бутус,
Ты положиись на мой изящный вкус.
Читай:

Том 1,²⁾ стр. 148, — «Жизнь и искусство»,
том II, стр. 12 — «Просьба весны»,
тр. 97 — «Поэту».

Надеюсь я, что грека³⁾ ты поймешь,
Перед публикой бланешь своей
манерой ловкой,

И бредни лирика прочтешь,
Как надо: «с чувством с разстановкой»
И громко так, чтоб голос твой по залу

Гремел, как выстрелы гремят в твоём «Закале»⁴⁾
твой М. Садовский⁵⁾.

Постановка в сезон 1890—91 г. на

сцене Малого театра неудачной пьесы Е. П. Карпова «Ранний осень» — драмы в 4 действиях — вызвала следующую эпиграмму М. П. Садовского:
«В том дива нет, что жидкая обложка

Работы Карпова дала нам полный сбор:
Весной народ бежит с давнишних пор
На заваль и дешевку⁶⁾

Хемницер 2».

На постановку в сезон 1892—93 г. на сцене Малого театра пьесы Влад. Александрова «Изломанные люди» М. П. Садовский откликнулся следующим четверостишием:

«Следя за сердцем человека,
Я принимаю вывод сей:
Оди лишь нравственный калека
Мог написать «Изломанных людей».

Прочтя в газетах сообщение об убийстве персидского шаха, М. П. Садовский пишет А. И. Южину:

«Утреннее размышление по прочтении газет (г-ну Стейниц?) Паланешевского пер., т. е. кн. А. И. Сумбатову)
Прочта о владытеле персов убитом,
Я мыслил, тоскою глубокой обит:
Возможно ль, чтоб шаху каким-то
бабитом⁷⁾»

Был сделан такой неожиданный шаг!
Хемницер 2».

Среди писем М. П. Садовского к А. И. Южину сохранился пожелтневший от времени листок со следующим стихотворением:

Эпиграмма самому себе.
В себе почував мощь Титана,
Оди старик, любимец муз,
Вступил с женой Юстиниана
В прелюбодейственный союз.
Сластолюбивую парццу
Любить — задача не легка,
Как раз ударит в поясницу
Лихая немочь старика,
В бессилии — тяжкие укуры
Польются щедро старику,
И он уйдет от «Феодоры»,
Склонясь уныло на клюку.
Хемницер 2»
В. МАСЛИХ.

¹⁾ М. П. Садовский намекает здесь на княжеское происхождение А. И. Южина.

²⁾ Щербина Н. Ф. (1821—1869) — поэт-сатирик.

³⁾ М. П. Садовский имеет в виду 2-томное издание «Стихотворения Н. Ф. Щербина», вышедшее в свет в 1867 году.

⁴⁾ Со стороны матери Н. Ф. Щербина был потомком пелопонесских греков.

⁵⁾ «Закал» — «Старый закал», драма в 5 действиях А. И. Сумбатова, поставленная на сцене Малого театра в сезон 1895—96 г. (возобновлена в сезон 1914—1915 г.).

⁶⁾ Магазины старой, дореволюционной Москвы ежегодно весной устраивали неделю дешевой распродажи (в просторечии «дешевки») залежавшихся и неполноценных товаров.

⁷⁾ Стейниц — известный шахматист.

⁸⁾ Бабиты — религиозно-анархистская секта (примечание М. П. Садовского).

⁹⁾ История этой эпиграммы такова: М. П. Садовским была написана пьеса из жизни римского императора Юстиниана под названием «Феодора». Феодора — жена Юстиниана, в прошлом гетера. Пьеса предполагалась к постановке на сцене Малого театра; причем исполнительницей заглавной роли должна была быть М. Н. Ермолова, но неожиданно пьеса была запрещена цензурой. Выяснилось, что Феодора была причислена православной церковью к лику святых.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. П. САДОВСКОГО

М. П. Садовский — талантливый артист и прекрасный истолкователь типов Островского — был в то же время и талантливым литератором, написавшим несколько драматических произведений и ряд рассказов и воспоминаний. Владел прекрасно французским, польским и другими языками, он был прекрасным переводчиком иностранных пьес; обладая большим юмором, он был также неутомимым автором каламбуров, экспромтов, эпиграмм и шуточных стихотворений.

Перечислим лучшие его произведения:

1) Перевод с итальянского драмы в 5-ти действиях Паоло Джакометти «Что посеешь, то и пожнешь» (La sagra vendica la sagra). В первый раз она была сыграна на сцене московского Малого театра в четверг 9 октября 1875 г. в бенефис Д. В. Живоккина. Была напечатана в Ленинграде в 1875 г. в литографии Курочкина.

2) Перевод с французского пьютки в 3-х действиях Дюрсо, Шиво и Эрри — «Буддизм — как конки, трусливы — как зайцы» (Villa Vanemignon). В первый раз была сыграна в Малом театре в понедельник 2 февраля 1881 года в бенефис Н. Е. Вильде.

3) Перевод с итальянского драмы в 4-х действиях в стихах Луиджи Гу-

альтиери «Корсиканка». Единственное представление этой драмы состоялось в Малом театре в среду 25 ноября 1881 г. в бенефис М. Н. Ермоловой. Сюжет пьесы напоминал отдаленно мотивы смерти Александра II и этого было достаточно, чтобы снять пьесу со сцены и даже забрать суфлерский экземпляр сейчас же после бенефиса. Объявленное повторение «Корсиканки» было отменено как бы за болезнью А. П. Ленского.

4) Перевод с французского комедии в 4-х действиях Бомарше «Севильский цирюльник». В переводе М. П. Садовского комедия была поставлена в первый раз в понедельник 21 октября 1883 г. в казенный спектакль Малого театра, причем заглавную роль Фигаро исполнил сам переводчик. Перевод напечатан в иллюстрированном издании журнала «Будильник» за 1884 г. Через пятнадцать лет, в воскресенье 27 декабря 1898 г. утром «Севильский цирюльник» в этом переводе был возобновлен А. П. Ленским в Новом театре, причем роль Фигаро исполнил ныне здравствующий народный артист Н. К. Иконен.

5) Оригинальное произведение М. П. Садовского «Душа — потемки», лирические сцены в 3-х действиях. Первое

представление этих сцен в Малом театре состоялось в воскресенье 1 декабря 1885 г. в бенефис О. О. Садовской, с М. Н. Ермоловой в роли Лизы. Впоследствии в этой роли выступала народная артистка СССР А. А. Яблочкина. Пьеса была издана в Москве литографированным изданием театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной в 1885 г. и перепечатана Ф. А. Куманиным в № 5 журнала «Театральная библиотека» за 1891 г.

6) Перевод с французского трагедии в 5-ти действиях Жюлья Расина «Федра». В переводе М. П. Садовского трагедия была представлена в первый раз на сцене Малого театра во вторник 30 января 1890 г. в бенефис М. Н. Ермоловой. Перевод этот был напечатан в книгах 5, 6 и 7 журнала «Артист» за 1890 г.

7) Оригинальное произведение: «В мире — что в море» — комедии в 5-ти действиях.

8) «Калопи» — пьютка в 1 действии, переведена с польского.

9) Перевод с французского комедии в 4-х действиях Мельяка и Гленди «Грелка» (La boule). Этот перевод дирекции императорских театров не приняла, предпочтя ему переводку на русский язык, сделанную Виктором Крыловым под названием «Откуда сырбор загорелся».

10) Перевод с французского комедии в 3-х действиях М. Брие «Кольбель». Пьеса была издана в Москве литографированным изданием театральной би-

блиотеки С. Ф. Рассохиной; дозволена цензурой 10 марта 1899 г.

11) Перевод с польского комедии в 4-х действиях М. Валуцкого «Игра в любовь» (Flirt). Пьеса была издана в Москве литографированным изданием театральной библиотеки С. Ф. Рассохиной; дозволена цензурой 12 июня 1893 г.

12) Перевод с французского водевиля в 5-ти действиях Эмиля Лабиша «Копилка».

13) Перевод трагедии в 5-ти действиях «Эдип-царь».

14) Перевод с французского водевиля в одном действии «Волшебник поневоле».

15) Рассказ «Дикий человек» (посвященный памяти А. П. Островского), помещен в № 5 «Артиста» за 1889 г.

16) Случай из жизни одного ученика — «Высокое признание». Напечатано в №№ 12, 13 и 14 журнала «Артист» за 1891 г.

17) Очерк на жизнь московского заходустя «Сметливец» (посвященный О. О. Садовской). Напечатан в польской книге журнала «Русское обозрение» за 1891 г.

18) «Развенчанный хирург» (из московских правов). Напечатано в № 215 газеты «Русские ведомости» за 1895 г.

19) «Вредный член». «Дон Кихот московского заходустя». Напечатано в сборнике «Почина» за 1896 г.

20) Рассказ «Страница из жизни одного города». Напечатано в книге 10 «Русского вестника» за 1897 г.

21) Повесть «Преступление».

22) Воспоминания об актере прежнего времени «Федор Семенович Потаников». Напечатано в книге III журнала «Артист» за 1889 г.

Рассказы М. П. Садовского в 1899 году были изданы в 2-х томах редакцией журнала «Русский вестник».

М. П. Садовский выступал с докладами и чтением классических произведений в заседаниях общества любителей российской словесности при Московском университете. В 1890 г. за свои литературные заслуги Михаил Провыч был избран почетным членом этого общества.

Во вторник 14 января 1903 г. перед началом спектакля, посвященного 50-летию первого представления на сцене Малого театра произведений А. Н. Островского («Не в свои сани не садись»), М. П. Садовский произнес речь. К сожалению, она не была потом напечатана, так же как и большинство его переводов.

Образом шуточных произведений Садовского служит стихотворное письмо его к Модесту Ивановичу Писареву, обнаруженное в 1922 г. в «Ежегоднике петроградских государственных театров за сезон 1918—19 г.»

М. КОМАРОВ.

И. о. ответственного редактора
Н. ГОЛОВИНОВ.

Уполн. Мособлгорлита А—7275.
Заказ № 1381. Тираж 3.000.

Типография «Известий Советов Депутатов трудящихся СССР».